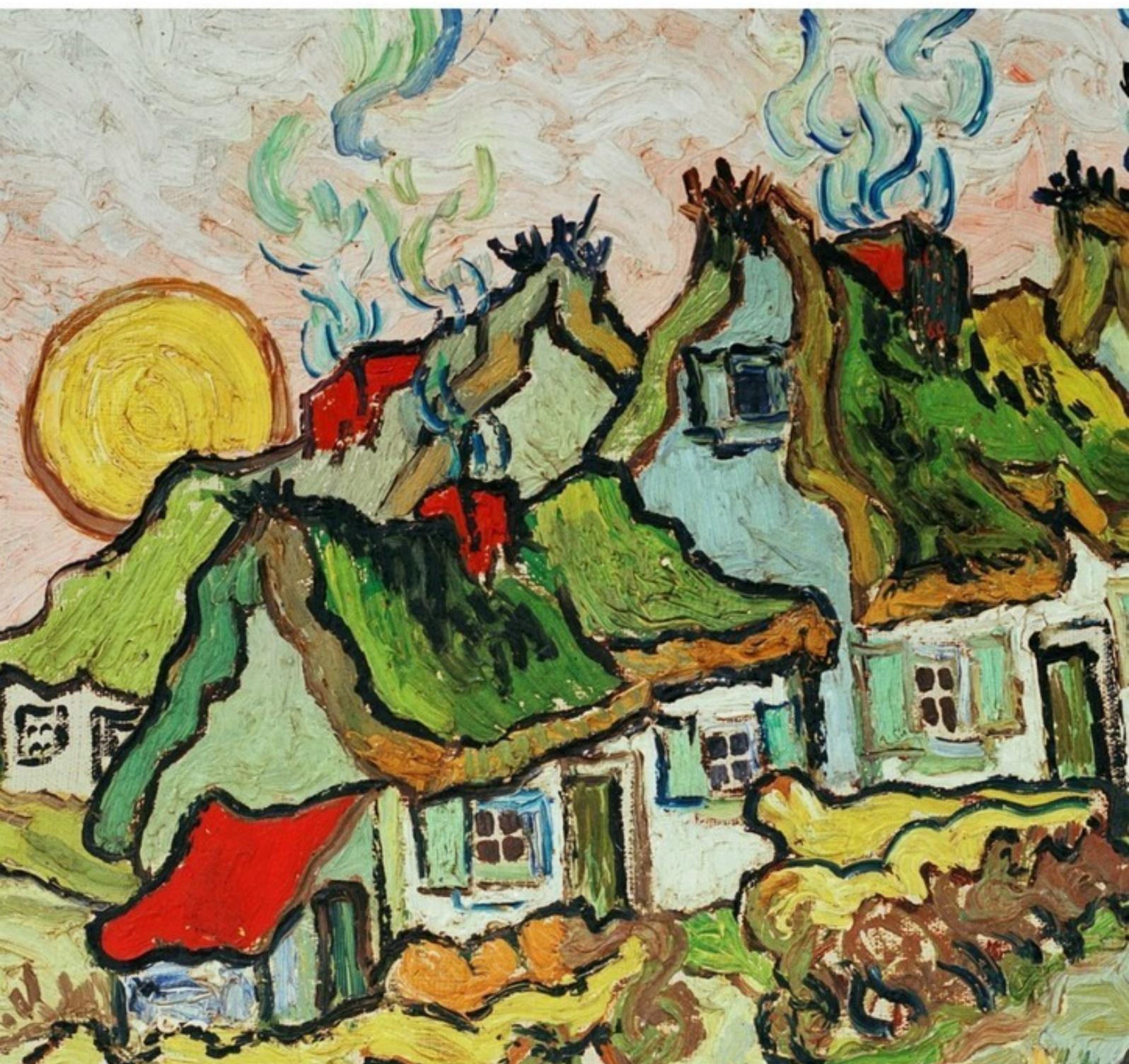

Александр Мишкин
Anamnesis morbi

История болезни

Александр Мишкин

Anamnesis morbi. История болезни

«Издательские решения»

Мишкин А.

Anamnesis morbi. История болезни / А. Мишкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749290-8

В жизнь реаниматолога Павла Светина на полном ходу врывается мистика и чертовщина. И хотя Пал Палыч уже научился ничему не удивляться — ведь в силу своей профессии он существует на грани между тьмой и светом, вытаскивая людей из-за смертельной черты, — однако это уже чересчур! В больнице умирает старый грек Димас, завещая врачу тайну жезла Асклепия. Кто же завладеет им и поставит жирную точку в вечной игре добра и зла?

ISBN 978-5-44-749290-8

© Мишкин А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	39
Глава 8	48
Глава 9	59
Глава 10	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Anamnesis morbi
История болезни
Александр Мишкин

© Александр Мишкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Берег Плещеева озера, июль 1991г.,
00—15*

Пикник удался на славу. Несмотря на то, что мальчишки опоздали часа на полтора и заехали за ней с Ленкой, когда уж и не чаяли. Правда, парни нашли «железную» отговорку: якобы ждали, когда «дойдёт до кондиции» замоченное ещё вечером мясо для шашлыка. Настя представила себе эту картину и хмыкнула: сидят три здоровенных лба вокруг кастрюли с мясом, тупо тарашатся на неё... ждут, стало быть.

В итоге дождались: выехали не засветло, по холодку, как планировали, а чуть ли не в полдень, когда июльское злое солнце вовсю уже плавало асфальт вместе со всей живностью, которая по нему перемещалась. А потом ещё тащились по забитой трассе в эту тьму-таракань почти четыре часа. Будто бы ближе к Москве не нашлось приличного местечка с лесом, озером, комарами и прочими прелестями загородного летнего отдыха. Да сколько угодно! Так нет же, Серёжка, Ленкин бойфренд (по-русски – хахаль), упёрся: дескать, я вам такое место покажу – закачаетесь!

И ведь убедил-таки, и поскрипел его старенький «Фольксваген» – фургончик аж в Ярославскую губернию, унося в своём чреве их компанию... Ладно, хоть машина просторная, даже со столиком в салоне. Доехали относительно комфортно.

Место и в самом деле оказалось довольно живописным: большое круглое озеро, монастырь на берегу, лес... но никакого такого «экслюзива», ради которого стоило убить полдня только на дорогу.

Настя встала с пенька и потянулась. Пламя костра было почти неподвижно в полном безветрии. Лёшка лениво перебирал струны гитары, уже не в состоянии что-либо петь. Неудивительно, если учесть, что последние два часа они во всё горло непрерывно горланили все известные им песни, останавливаясь лишь для приготовления и принятия очередной порции шашлыка с «Хванчкарой».

Ещё пытались танцевать, но как-то не пошло... Видимо оттого, что пятый персонаж их компании, Михаил, остался в этой поездке без пары... то ли подруга сказала больно перед самым отъездом, то ли просто мягко Мишу послала... В итоге сидел он весь вечер мрачный и с неприкрытой завистью пялился на танцующие у костра счастливые пары. Под таким взглядом как-то не танцевалось... Зато певцом он оказался отменным: с чудным баритоном, глубоким и удивительно душевным. Вот и пели все, дабы не нарушать общую гармонию.

Собственно, грустный брошенный Михаил и был третьим, сидящим у костра. Он меланхолично ворошил веткой угли, периодически неодобрительно поглядывая в сторону одной из трёх их палаток, куда минут десять назад удалились Ленка со своим Серёгой. И вот теперь оттуда доносились совершенно порнографические Ленкины стоны: подружка Настина никогда особой скромностью не отличалась и эмоций своих от окружающих не скрывала. Людям в палатке явно не спалось.

– Вот так и рождаются легенды о жутких лесных жителях. Пройдёт мимо случайный путник, услышит такое, – и поутру вся деревня будет судачить о том, что ночью в лесу опять кого-то ели... живём! – Лёшка отложил гитару и тоже встал. – Насть, пошли купаться? Голыми, при луне... романтика!

Настя хмыкнула:

– Днём не накопался? Ты ж, как приехали, так в воду сразу и залез... до вечера. Если бы не шашлык, так бы и сидел там, водорослями обрастал!

– Ты не понимаешь! Днём – это так, банальное купание в тёплой лужице... можно сказать, простой помыв без всякой изюминки. А ночью, под звёздами, окунуть изнурённое жарой тело в блаженную прохладную глубину... м-м-м, это просто восторг какой-то! – Лёшка зажмурился, пытаясь изобразить этот самый блаженный восторг.

Получалось неубедительно: мимика больше напоминала второклассника-переростка, приведенного на приём к дантисту и старающегося всеми силами не допустить злого доктора к себе в рот.

Настя прыснула. Зато ожил Михаил:

– А что, и в самом деле! Пошли купаться! Гулять – так гулять...

– Во-во! Слова не мальчика, но мужа! – Алексей явно обрадовался неожиданной поддержке. – Настюха, большинством голосов решение принято! Собирайся!

– А чего тут собираться-то? – недоумённо пожала плечами Настя. – Сам же сказал, голыми при луне! Миша, мы тебя не смутим?

– И не такое видали! – гордо заявил он, выпятив грудь. Видимо, горечь расставания с любимой уже прошла: Михаил выглядел совершенно иначе, чем ещё десять минут назад.

– Молодец, мужик! – одобрил Лёшка и ткнул его кулаком в плечо. – Хватит хандрить, отдайся радости единения с природой!

– Уже отдался! – хохотнул оживший Михаил и потопал к своей палатке.

– Ты куда? Берег в другой стороне! – окликнул его Алексей.

– Факел возьму. Темно же совсем, не видно ни черта!

Через несколько минут все трое были на берегу. Михаил воткнул в песок горящий факел: толку от него было немного, небольшое пламя разгоняло темноту лишь на пару метров вокруг. Зато романтики – хоть отбавляй. Настя представить себе не могла, как может изменить окружающий мирок живой огонь самодельного факела. Появилась какая-то первозданность, первобытность даже, напрочь сметая глупые условности цивилизации. Исчезла скованность, исчез надуманный стыд... Всё стало просто.

Молодые люди почти одновременно сбросили одежду и обнажёнными ворвались в прохладную тёмную воду. Михаил первым оттолкнулся от медленно понижающегося дна и, сильно загребая длинными руками, быстро поплыл вперёд.

Настя с Лёшкой сразу же отстали, размеренно, неспешно гребя, наслаждаясь восхитительными ощущениями ночного купания. Полная луна снисходительно смотрела сверху на резвящихся в озере людей, услужливо светя тусклым своим светом.

Настя оглянулась. Факел на берегу оказался неожиданно далеко, превратившись в мерцающую оранжевую точку. «Надо же, как далеко уплыли... и не заметили даже!» – подумала девушка.

К ней с фырканьем подплыл Лёшка:

– Ну, как? Понравилось? – тяжело дыша и отплёвываясь, спросил он.

– Ещё как! Вот уж никогда бы не подумала, что это так здорово! – повиснув в воде, ответила Настя.

Лёшка обнял её. Прикосновение прохладного тела в воде оказалось приятным. Настя обвила руками его шею и приникла к губам. Поцелуй мог получиться очень долгим... если бы, увлечённые друг другом, молодые люди не ушли под воду с головой, напрочь позабыв грести ногами. Расцепившись, они вынырнули на поверхность, откашливаясь и смеясь.

– А в кино-то, в кино-то как всё красиво выходит... и на воде, и под водой... и в разных позах, и подолгу. А дышать-то как? – хохоча, возмутился Лёшка.

– Такой большой, а в кино веришь! Там же монтаж, дублей штук двадцать, компьютерная графика..., а тут – суровая действительность и законы физики! – с трудом отдышавшись, весело пояснила Настя, – Слушай, давай к берегу поворачивать. Гляди, как далеко уплыли.

Лёшка оглянулся и присвистнул:

– И правда! Давай грести обратно. А то ещё наша сладкая парочка насытится друг другом, нас не найдёт и будет метаться по лесу с воплями... всю округу перебудят.

– Плохо ты Ленку знаешь. Её заряда ещё часа на три хватит. Зато завтра будет дрыхнуть до вечера, – Настя уже взяла курс на далёкий огонь факела.

Алексей поплыл рядом. Несмотря на то, что они довольно активно работали руками и ногами, огонёк на берегу не увеличивался, так и оставаясь недостижимой оранжевой звездой. Вода, до этого такая ласковая, вдруг показалась холодной и густой жижей, налипающей на руки и ноги, сковывающей движения, сдавливающей грудь.

Насте стало жутко. Продвигаться вперёд в этой тягучей тёмной массе становилось всё труднее, каждое движение теперь стоило невероятных усилий. И холод... вода ощутимо становилась холоднее с каждой секундой. «А ведь можем и не доплыть!» – панически подумала девушка и испугалась этой мысли даже больше, чем чёрной воды.

– А-а, чёрт! – выругался Лёшка и ушёл под воду с головой. Тут же вынырнул, хватая воздух перекошенным ртом и совершая в воде какие-то непонятные движения.

– Лёшик, ты что? – испуганно спросила его Настя, зависнув в совсем уже ледяной воде.

– С-судорога! Ногу свело! – выдохнул Лёшка и опять ушёл под воду. Через несколько долгих секунд вынырнул: в бледном свете луны его лицо казалось совершенно синим и чужим.

Настя в ужасе закричала:

– Палец! Большой палец ноги потяни на себя!

– А я что делаю? – неожиданно спокойно ответил Алексей и вновь погрузился. На этот раз его не было долго: почти минуту. Настя была уже близка к панике, когда вода рядом с ней вдруг забурлила, и юноша вынырнул, нет, буквально выпрыгнул, со свистом втягивая воздух в опустевшие лёгкие.

– Не могу... не помогает! Булавку бы... – он забился, тщетно пытаясь удержаться на поверхности и надышаться про запас. Но чёрная вода вновь поглотила его.

Настя лихорадочно думала. До берега далеко. Булавки, которую можно было бы воткнуть в сведённую мышцу, у неё нет. Лёшка сам не справится, это понятно: ещё два-три раза вынырнет, а потом – всё. Надо срочно что-то делать. Но что? Что она может? Тащить его на себе до берега? Не выйдет, он тяжелее раза в полтора, да ещё и бьётся так, что утянет обоих. Что же тогда? Что?

Лёшка вновь вынырнул. В этот раз он ничего не сказал, видимо, совсем обессилел. Только глотал желанный воздух несколько мгновений, потом тоскливо взглянул на Настю и тихо ушёл под воду. Тёмные волны сыто чавкнули над его макушкой.

Настя, не раздумывая больше, нырнула вслед. Под водой открыла глаза, но разницы не ощутила: тьма стояла кромешная. Руками пошарила перед собой. Пальцы наткнулись на холодное Лёшкино тело, вяло шевелящееся и медленно погружающееся в глубину. Настя быстро перебирала руками по его ногам, пытаясь нащупать сведённую мышцу... ага, вот она! Твёрдый комок под кожей правой икры. Девушка нырнула глубже, примерилась... и изо всех сил впилась зубами в Лёшкину ногу. Во рту появился противный привкус крови, но Настя не останавливалась. Она разжала зубы и вновь укусила подлую сведённую мышцу. Потом ещё раз. И ещё.

Девушка атаковала отказавшую ногу до тех пор, пока не застучало в висках от недостатка воздуха. Но и тогда, преодолевая нарастающее коварное желание сделать полной грудью вдох прямо здесь, под водой, Настя из последних сил вонзила зубы в ненавистный комок. И он исчез.

Настя схватила безвольного Лёшку за волосы и вместе с ним вынырнула. Сделав пару вдохов, она принялась свободной рукой хлестать парня по щекам:

– Дыши! Дыши! Ну, дыши же, Лёшка!

Он сделал вдох. Потом ещё один. И вдруг задышал: жадно, часто, хватая воздух так, словно боялся, что отнимут.

– Плыть можешь? – спросила его Настя.

– М-могу. Ты молодец. С-спасибо! – и неуверенно поплыл к берегу.

Отдышавшись, Настя двинулась за ним. Сзади раздался далёкий крик. Девушка прислушалась: крик повторился и сразу же оборвался. Сколько Настя ни вслушивалась в вернувшуюся тишину, никаких звуков, кроме всплесков воды от рук плывущего впереди Лёшки, слышно не было. Но в последнем прозвучавшем крике было столько смертельного отчаяния, что можно было не сомневаться: Михаилу тоже приходится несладко. А в том, что кричал именно он, Настя была уверена.

Впереди остановился Лёшка:

– Слышала?

– Слышала. Не останавливайся, плыви.

– Это Мишка. Надо бы помочь ему...

– Плыви. Мы ничем ему не поможем. Если сможет, выплывет. А вот мы, если туда сейчас повернём, точно на дно пойдём... как два утюга.

Лёшка повисел на месте ещё пару секунд, поразмыслил и быстро поплыл. К берегу. Настя – за ним. Остаток пути они проделали без приключений, если не считать стремительно холодеющей воды. У самого берега пловцы с изумлением обнаружили тонкую корку льда, покрывающую мелководье. Нещадно её ломая, молодые люди вышли на берег и без сил упали на тёплый, не успевший остыть, песок.

Первой отдышалась Настя. С трудом она встала, едва держась на подгибающихся коленях. Оглянулась. От воды ощутимо веяло холодом. Вспоротый их телами прибрежный лёд на глазах затягивал свежие раны: вода стремительно покрывалась прозрачной коркой. Под голубым светом полной луны происходящее выглядело совсем уж фантастично.

Настю затрясло: то ли от холода, то ли от испуга, вернее – от всего вместе. Она попыталась высмотреть в мерцающей ряби озера Михаила, но тщетно. Мелкие волны, бросающие тусклые отблески, мешали разглядеть что-либо среди них.

– Миша! – Настя кричала так, как никогда в жизни, – Миша, ты где?! Ми-ша!

Из леса её злорадно передразнило эхо. Настя металась с криками по остывающему песку, близкая к истерике. Её бил крупный озноб, кожа покрылась противными пупырышками, кровоточили множественные порезы от острых ледяных кромок, но она не замечала ничего, всматриваясь в пустынную даль озера и крича, крича...

Сзади её охватили холодные руки. Алексей с трудом поймал беснующуюся подругу и теперь, прижимая содрогающееся тело к себе, пытался её успокоить:

– Настюша, тихо, тихо... всё хорошо, всё закончилось! Не кричи так...

– Что закончилось?! – сквозь слёзы выкрикнула Настя, – Мишка закончился! Он утонул, понимаешь ты, у-то-нул! Только что был живой, а теперь – всё, нет его больше! Нет! Нет! – Она била кулачками по Лёшкиной груди и извивалась, пытаясь вырваться.

– Да выплыл он, выплыл... наверное! Он плавает здорово, не чета нам. Просто где-нибудь в другом месте вылез... – неуверенно возразил Алексей.

– Вылез, как же! Ты же слышал крики? Кто это, по-твоему, был, если Мишка вылез? – Настя перестала вырываться и, обессилив, повисла на его шее.

– Давай возьмём факел и обыщем берег. Может, всё-таки, он выплыл.

– Давай! – всхлипнула девушка.

Они в обнимку подошли к факелу. Лёшка одной рукой вытащил его из песка, другой по-прежнему прижимая к себе дрожащую Настю. Стуча зубами, она жалобно спросила:

– А что с водой-то происходит? Лето же, жара... откуда лёд? Да ещё так быстро!

– Не знаю, Насть... бред какой-то! Так не бывает, – растерянно ответил юноша и склонился над ледяной поверхностью.

Настя тоже присмотрелась. Лёд был почти идеально ровным, отражая в себе, будто в диковинном зеркале, голых людей с факелом. Только теперь они заметили, что до сих пор не оделись, но это обстоятельство их совершенно не тронуло. Лёшка присел и потрогал лёд.

– Не надо! – вырвалось у Насти.

– Почему? – недоумённо пожал он плечами, – Лёд, как лёд. Холодный, скользкий. Похоже, настоящий.

– Ну... не знаю. Просто не трогай его, – девушка и сама не могла объяснить охватившую её тревогу. Да что там объяснять, причин тому и так было более чем достаточно. Чудовищное коварство воды, чуть было не погубившей их с Лёшкой, нелепая и быстрая гибель Михаила (а в том, что он погиб, Настя уже не сомневалась, несмотря на оптимистичную версию Алексея), теперь ещё этот лёд, неведь откуда взявшийся в середине июля... Да что, в конце концов, происходит?!

– Вот дерьмо! – досадливо воскликнул Лёшка.

Настя вздрогнула:

– Ты что?

– Рука! Рука примёрзла! – он с удивлённым лицом дёргал руку, силясь оторвать пальцы от ледяного зеркала.

С ужасом Настя увидела, что его кисть полностью вмёрзла в лёд. Более того, Лёшкина рука погружалась всё глубже в казавшуюся такой твёрдой прозрачную массу. Мгновение – и юноша оказался вмурован в лёд по самый локоть.

– Да что это?! – не веря глазам, Лёшка всё дёргал и дёргал руку. Залитая льдом, она казалась чужой: бледная и совершенно неподвижная. Покрывающий её лёд придавал руке неживой голубовато-зелёный оттенок.

Настя не могла произнести ни слова. Мысли, чувства – всё смешалось в её сознании в один большой ком страха. Слишком много кошмарных событий за каких-нибудь полчаса... слишком много, чтобы быть правдой. И, тем не менее: вот у её ног на коленях, в вычурной позе с замороженной в лёд по локоть рукой, голый, стоял Лёшка. Её Лёшка. Она стряхнула с себя оцепенение и схватила его за плечи:

– Давай вместе! Тяни, сильнее тяни! Ещё сильнее, ещё!

Лёшка рвался изо всех сил. Лицо его скривилось от боли, вены на шее вздулись. Но ледяной капкан крепко держал добычу.

– Попробуй растопить лёд! – Настя заметила, что свободной рукой парень всё ещё держит факел.

Ледяной пленник кивнул и ткнул факелом в лёд. Зашипела в пламени освобождённая вода, но слишком мало было тепла от самодельного факела: тонкие робкие ручейки талой воды, едва убежав в сторону от огня, вновь застывали. Лёшка попробовал поднести пламя ближе к закованной руке и вскрикнул от боли. Мерзко запахло палёным мясом.

– Бесполезно! Тут лом нужен. Или топор, – сквозь зубы процедил обожжённый Алексей.

Настя краем глаза уловила какое-то движение в толще льда. Она всмотрелась: нет, не ошиблась. В ледяном зеркале чётко отражались они с Лёшкой, освещённые оранжевыми бликами пламени. И было что-то ещё...

Откуда-то из зазеркальной глубины на Лёшкино отражение наплывала чернота. Просто бесформенное, размытое пятно тьмы. Оно быстро росло, ширилось, подобно чернильной кляксе, попавшей на промокашку. Вот уже половина отражения голого юноши скрылась под тёмным покрывалом, ещё миг – и во льду отражается лишь его голова.

– Холодно... – тихо и как-то тоскливо сказал Лёшка. Он прекратил рваться из ледяного плена и теперь просто стоял на коленях, низко опустив голову, словно подставляя её под топор палача. Рука его, держащая факел, разжалась, и Настя едва успела перехватить древко.

А чернота продолжала пожирать Лёшкино отражение. Какое-то время во льду ещё была видна его голова: тёмное пятно будто бы смаковало заглоченную добычу, мелкими волнами то наплывая на отражающееся лицо, то освобождая его. И вдруг, внезапным броском накрыло всё. Во льду отражалась Настя, держащая факел; отражались луна с низкими летними звёздами... а вместо отражения Алексея в ледяном зеркале плескалась чернота. Прожорливая клякса поковылялась лениво, как бы переваривая проглоченный ею образ... и исчезла, просто растаяв.

Лёшка всё так же молча стоял на коленях, безжизненно повесив голову. И... не отражался. Ошеломлённая Настя осторожно тронула его за плечо. От лёгкого касания юноша покачнулся и завалился на бок, неловко вывернув вмёрзшую в лёд руку. Отвратительно хрустнуло. Лёшка медленно перекатился на спину, изогнув руку под невыносимым, неестественным углом. Насте открылось его лицо: открытые глаза остановившимся взглядом смотрели в небо.

Она дико закричала и, схватив мёртвое тело за плечи, принялась неистово трясти его. Лёшкина голова с деревянным стуком билась о лёд.

– Лёшка! Лё-шень-ка! Ну не молчи, вставай, пойдём отсюда! – умоляла рыдающая девушка.

Он молчал. Настя по-звериному завывала и, отпустив покойника, принялась колотить кулаками равнодушный лёд:

– Сволочь! Сволочь! Сволочь!

И, будто бы разбуженная этим стуком, из подлёдной черноты к беснующемуся Настиному отражению поползла та самая, убившая Лёшку, клякса.

Девушка опомнилась и вскочила на ноги. Сгусток темноты растянулся вширь, как бы раскрывая объятия, и с двух сторон обтекал её босые ступни. Настя отпрыгнула назад, на песок. Чёрная клякса недовольно заволновалась и вплотную подползла к берегу. Настя подняла подвернувшийся увесистый камень и с ненавистью швырнула в черноту.

Камень звонко щёлкнул об лёд, неожиданно легко проломив его. От образовавшейся дыры по зеркальной поверхности льда зазмеились трещины. Девушка, утирая злые слёзы, повернулась спиной к проклятому озеру и побрела к палаткам. Надо было поднимать Ленку с Серёгой и убраться отсюда... Впрочем, наверное, следует вызвать милицию и «Скорую». Хотя никакого представления о том, что говорить врачам и блюстителям порядка, Настя не имела. Да и сама она с трудом осознавала реальность всего происшедшего кошмара.

Что-то заставило её обернуться. На берегу смутно угадывалось лежащее Лёшкино тело. Рядом, машинально воткнутый ею в песок и забытый, догорал факел. Всё осталось по-прежнему.

Но появилась какая-то неправильность. Что-то цепляло Настино сознание, заставляя настороженно вглядываться в темноту, едва нарушаемую пламенем факела... Факел! Настя, наконец, поняла, что именно было не так.

Пламя гасло. Но не так, как гаснет любой огонь, постепенно лишаящийся топлива. Пламя факела затухало неправильно, будто бы втягиваясь внутрь самого себя. Больше всего это походило на то, как если бы кто-то большой невидимым, нечувствительным к жару кулаком сдавливал огонь, заставляя его сжаться до размеров тускло светящейся точки. А потом погасла и она. В навалившейся темноте Настя на несколько мгновений ослепла.

Лишившись зрения, вынужденно-обострённым слухом она услышала невнятный нарастающий шёпот. Слов девушка не разбирала, но была уверена в том, что это именно шёпот, а не шорох листьев на ветру. И шёпот этот приближался со стороны озера.

Зрение постепенно возвращалось. Во мраке замерцали звёзды, из-за кстаги убежавшего облака вынырнула луна. В её свете Настя увидела тёмную бесформенную волну, выплеснув-

шуюся на берег и устремившуюся к ней. Волна мрака накатывала стремительно, сопровождая своё движение тем самым невнятным шёпотом.

Настя рванулась прочь. Песок кончился, под ногами захрустел, зашуршал обычный лесной ковёр из сухой сосновой хвои, сучков и мелких острых камешков. Босые ступни тут же изранились в кровь, но девушка, не разбирая дороги, не обращая внимания на острую боль, мчалась вперёд. Вот и поляна с тлеющими углями костра.

На шум из крайней палатки выскочил Серёжка, на ходу натягивая шорты. Увидел несущуюся на него голую Настю, ошалело открыл рот и, попятившись, рухнул на брезент палатки. Внутри завизжала Ленка.

Настя подбежала к барахтающемуся Серёге, схватила за плечи и сильным рывком поставила на ноги. Из руин палатки показалась Ленкина встрёпанная голова:

– Насть, ты что? Что стряслось? И почему голая? Не смотри!

Последнее касалось Серёжки, который столбом стоял перед Настей, в упор разглядывая её.

– Скорее, бежим! Бросайте всё, бежим! Иначе – смерть! Лёшка с Мишкой погибли, а ей всё мало! Да бегите же, мать вашу! – неожиданно для себя Настя выругалась и, схватив одной рукой Ленку, другой Серёжку, с силой поволокла их за собой.

Ленка споткнулась и упала. Настя, выпустив от рывка её руку, по инерции пробежала несколько шагов, протаскив и Серёгу.

– Так, стоп! Не пойду никуда, пока не узнаю, в чём дело! – Настина подруга демонстративно уселась на землю, скрестив ноги, – Рассказывай по порядку.

Настя открыла рот, но сказать ничего не успела: из-за сосен бесшумно выплеснулась волна мрака и накрыла Ленку. Всего на мгновение. И тут же схлынула, чуть откатившись и остановив свой стремительный бег.

Ленка осталась сидеть на том же месте, в той же позе... только что-то неуловимо изменилось в её глазах. Девушка ещё несколько мгновений сохраняла прежнее положение, а потом мешком рухнула на прошлогоднюю хвою.

– Ленка! – Сергей, ожив, выдернул руку из Настиных пальцев и бросился к лежащей подруге, – Ленка, что с тобой? – он тормозил безжизненное тело почти так же, как Настя Лёшку всего несколько минут назад. И с тем же результатом: мёртвая Ленка молчала и только безразлично мотала головой.

Затаившаяся в паре метров темнота оживилась, почуяв новую добычу. Настя не успела даже окликнуть склонившегося над телом подруги Сергея: мрак окутал и его, лишь на миг скрыв от Настиных глаз. И вновь всё повторилось: темнота отступила назад, оставив на земле ещё один труп.

Настя закричала: дико, страшно. Она просто стояла и кричала, сквозь слёзы глядя, как густая бесформенная тень, перекатившись через тела её друзей, неспешно, по-хозяйски уверенно подползала к ней. Она кричала, не переводя дыхания, когда чернота коснулась её израненных ног и, обжигая холодом, поползла вверх по обнажённому телу. Она кричала, выдыхая из лёгких последний воздух и тогда, когда ледяная волна достигла груди, больно сжав сердце. И лишь когда мрак хлынул в её разодранный криком рот, наступила тишина.

Часть первая Время барабашек

Глава 1

Сегодня, 17 июля, 14—20, реанимационное отделение.

– Пал Палыч!

– М-м-м-м...

– Пал Палыч!

– М-м-м-м... нет меня...

– Пал Палыч, Антонида плохо! Уши синие совсем!

–ь! – пытаясь по очереди открыть глаза, я вскочил с кушетки. Какой уж тут сон: упомянутого Антонида прошлой ночью реанимировали четыре раза. Дед оказался старой закалки: из четырех клинических смертей выходил молодцом (то бишь, в полном сознании и с грязными реликтовыми русско-греческими ругательствами, послушать которые поначалу сбегались многоопытные в этом отношении дежурные хирурги; потом, правда, надоело: реанимируемый при каждом очередном воскрешении оригинальностью не блистал и весь текст воспроизводил с начала и дословно). И вот теперь – «уши синие». Нехорошо-с!

– Мыли? – поинтересовался я у сестрички Клары, принесшей тревожную весть.

– Что? – хлопнула она ресницами (готов поклясться, хлопок был слышен).

– Уши, спрашиваю, мыли?

Дошло. Хихикнула, развернулась и умчалась в палату. Я мельком взглянул на сладко сопящего Витаминыча, страстно обнимающего во сне стол, и решил, что пока обойдусь без помощи шефа. Кто его знает, что там с ушами...

17 июля, 08—45, реанимационное отделение.

Сутки начались без затей. Привычно подрёмывая на ходу, я вошёл в ординаторскую. Сквозь клубы табачного дыма нашарил взглядом таящихся по углам коллег в количестве трёх штук. Коллеги лихорадочно строчили что-то в историях болезни и лениво переругивались по поводу того, кому идти «сдаваться» на пятиминутку к главному.

Выпало, естественно, Михалычу, как самому юному и безответному. Он обречённо вздохнул, бормотнул что-то невнятное, но явно малоцензурное, ухватил под мышку «Книгу Судеб» и отправился пред начальственные очи представлять собой наше славное отделение.

Небольшое отступление. Это у нормальных людей, ведущих свойственный большинству приматов дневной образ жизни, сутки начинаются в 00 часов 00 минут. У нас, ненормальных (т.е., реаниматологов), сутки начинаются в 9—00. Именно в этот чудный миг мы заступаем на дежурство. Справедливости ради, следует признать: кроме подвида реаниматологов, к этой категории «ненормальных», живущих в собственном временном континууме, относятся ещё и врачи «скорой помощи», охранники, и многие другие, даже пожарные. Но мы гордо (и небезосновательно!) ощущаем себя значительно ненормальнее.

Неслышно вошёл Витаминыч. Задумчиво закурил ядрёную «Приму», обошёл с рукопожатием личный состав, ненадолго задержался у мониторов центральной станции... Наконец, открыл глаза и попытался проснуться. Неудачно.

– Кто помер? – осведомился он.

– Да живы все... – виновато развела руками отдежурившая смена.

– Сутки прожиты зря... – цинично констатировал шеф и предпринял вторую попытку проснуться. Сопутствующая мимика была ужасна.

– Мы старались... – понурились отдежурившие коллеги.

– Старатели, блин... Кто вчера додумался в морг на реанимацию бежать?

Коллеги издали короткий утробный звук, подавив то ли рыдание, то ли истеричный хохот. Вперёд выступил Гуськов. Утирая слезящиеся от воспоминаний глаза, он начал вещать. История оказалась трогательной, с элементами дешёвого триллера.

Накануне вечером «скорая» привезла в приёмное отделение найденного в соседнем парке деда. Старичок совершал моцион, как вдруг, схватившись за грудь, начал уходить в мир иной. Коллеги из подоспевшей «скорой» старательно мешали ему это сделать, но не преуспели: когда дедушку доставили в приёмное, он, увы, почил окончательно.

В приёмном, как водится, погрузили брэнное тело на каталку и повезли в морг. Там его встретила санитарка, которой покойник показался каким-то неубедительным... Ну, не поверила она ему. Подозрительная девица, недолго думая, набрала заветный номер реанимации и начала истошно верещать в трубку о том, что, дескать, у нас тут труп, который не труп, а вовсе даже живой...

Делать нечего, дежурная смена с гиканьем помчалась в прозекторскую... Какой диалог состоялся между разочарованными докторами и бдительной санитаркой – можно только догадываться. Лишь две фразы процитировал Гуськов:

– С чего ж ты, ... (неумная женщина) решила, что труп жив?!

– Дык, он того... тёплый был...

Витаминыч терпеливо выслушал рассказ, обвёл взглядом корчащихся докторов и скорбно констатировал:

– Послал Бог работничков! Вся больница с утра на ушах стоит. Вы теперь – герои анекдотов... Петьки и Чапаевы. В следующий раз в крематорий побежим?

– Так нет у нас крематория, Виталий Вениаминыч! Не мегаполис, чай... – сокрушённо вставил я.

– Вот незадача! – огорчился шеф. – А вы, доктор Светин, решили коллег грудью прикрыть? Мой праведный гнев на себя отвлечь? Благородный вы наш... сами-то давно покойничка трёхчасовой свежести воскресить пытались?

Крыть было нечем. Пару дежурств назад нашу бригаду вызвали в приёмное, куда бесчисленное рыдающее цыганское семейство доставило своего главу. За три часа до этого, мирно трапезничая в кругу семьи, глава вдруг посинел и помер. Что уж там с ним творили соплеменники, неизвестно (есть версия, что пытались вернуть к жизни с помощью колдовства). Но покойник остался в прежнем состоянии и совет племени порешил обратиться к врачам.

Обнаружив в смотровой окончательный труп, я недобро взглянул на врача приёмного отделения. Тот не менее выразительно скосил глаза в сторону мрачной цыганской толпы, гудящей неподалёку. Я всё понял...

Полчаса мы честно имитировали процесс реанимации: били несчастное тело током, в поте лица массировали сердце, поставили подключичку и с умным видом вводили в неё физраствор... Я даже интубировал покойника и долго принуждал его дышать (кстати, при интубации извлёк из гортани огромный недожёванный кусок мяса, который и вызвал безвременную кончину: цыганский барон банально подавился). Словом, резвились по полной.

В конце концов, остановив действие, я подошёл к цыганам, картинно смахнул крупные капли пота со лба и скорбно покачал головой. Женщины завывали с новой силой, а суровые мужчины долго благодарно жали руку, роняя скупые слёзы...

– Виталий Вениаминыч, вы же сами признали, что в тех обстоятельствах имитация реанимации была единственным правильным решением! Зато никто не пострадал... и больница цела осталась, – гордо заявил я.

– Ага... а ещё Палыч получил сертификат на сотню бесплатных гаданий у рынка, – свредничал Гуськов. Коллеги лениво заржали.

– Ладно, проехали... – буркнул шеф. – Кого сегодня переводим?

– Семёнова, Звягинцева и Горскую, – из своего угла отозвался Петрович. – Все мои... осиротею.

– Не бойсь. Свято место пусто не бывает. Компенсируем, – пообещал Витаминич.

В подтверждение его слов захрипел телефон. Я снял трубку:

– Реанимация.

– Это приёмное. Тут суицид. Море крови, давайте к нам, срочно!

– Какой, к лешему, крови?! У нас кардиореанимация! Хирурги где?

– На операции, их реаниматоры там же. Запарка. Так что, не отвертитесь! – злорадно хохотнул доктор Симакин на том конце провода.

– Вылетаем.

Провожаемый ироничным помахиванием шефовой ручки, я выскочил в коридор. Следом с грацией грузёного самосвала нёсся Петрович, увлекая за собой сестричку Клару и второй чемодан с реанимационным набором. Первый чемодан, который полегче, эгоистично ухватил я. С дружным топотом мы пронеслись через живой коридор из больных, испуганно жавшихся к стенам соседней с нами кардиологии, и ворвались в лифт.

Древний лифтёр понимающе ткнул пальцем в кнопку первого этажа:

– Хреново кому-то?

– Ещё нет, но ща будет! – оптимистично пообещал Петрович и хищно посмотрел на старца.

Дедок испуганно умолк. Лифт в последний раз издал звук делающего себе сеппуку самурая и замер. Мы прибыли.

Приёмное встретило нас воплями, доносящимися из смотровой. «Орёт – значит, дышит... по крайней мере, выдыхает», – промелькнула мысль. Вопли были выразительны по интонациям и похабны по содержанию. И удивительно знакомы...

В смотровой нас встретила ехидная улыбочка доктора Симакина:

– Орлы! И двух минут не прошло! Долго тренировались?

– Каждую ночь по три часа... а ещё отрабатываем удары ногами по почкам. Показать? – деловито осведомился я и изящно отвёл ногу.

Петрович украдкой показал Симакину средний палец правой руки. Тот хмыкнул и приглашающим жестом указал на кушетку с возлежащим на ней телом.

Тело принадлежало Савоськину и орало. Савоськина знала вся больница: каждые два-три месяца этот сорокалетний юноша предпринимал попытку покончить с собой на почве очередной несчастной любви. Как можно догадаться, до сих пор эти попытки успеха не имели.

Вот и теперь, судя по окровавленной левой руке, наш Казанова тщетно пытался вскрыть себе вены. Но, поскольку это больно, всё свелось к десятку неглубоких царапин. Неэстетичный вид крови Савоськина огорчил и он знакомой тропой помчался в ближайшую больницу. То есть, к нам.

– И кого тут реанимировать? – мрачно поинтересовался я у Симакина.

– Меня! – вместо коллеги ответил умирающий Савоськин и улёгся поудобнее.

Я решил быть недобрым:

– Савоськин, она тебя бросила?

– Бросила, Палыч... стерва такая. А я ей даже стихи писал... два! Хочешь, прочитаю?

– В другой раз. Бросила, значит. А ты, стало быть, опять себя порешить захотел?
– А зачем мне теперь жить? – резонно удивился Савоськин.
– И в самом деле. А скажи мне, Савоськин, как ты себя убивал... в этот раз?
– Ну, взял я на кухне ножик... Раз резанул, два резанул. Больно, ...ь! Водочки выпил, чтоб не так болело. Ещё порезал немного. Гляжу, крови набежало. Ну, я ещё водочки... Потом она кончилась, я оделся и к вам.

– К нам-то зачем? Ты ж помереть хотел, а мы ведь не дадим!

Савоськин задумался, рассматривая исцарапанную руку.

– Рука болит. Полечите. Всё равно нынче не вышло.

– Слышь, Савоськин, – встрял в нашу душевную беседу Петрович, – совет хочешь?

– Хочу! – всхлипнул самоубийца-неудачник.

Петрович навис над ним и провёл пальцем по боковой поверхности савоськиной шеи:

– Ты в следующий раз вот тут режь! И ножичек-то наточи...

Доктор Симакин заржал. Савоськин с минуту переваривал полученную информацию, а потом начал вопить. Он вопил о том, как не любят его женщины и врачи-реаниматологи. О том, как суров и несправедлив к нему этот грёбаный мир. О том, как омерзительно и трудно резать себя тупым кухонным ножом... и как никто в этом мире не ценит его стараний. О том, как содрогнутся все, узнав о его кончине, и зарыдают в голос, и будут кусать себе локти, но будет поздно. О том, как болит его рука и надо бы перевязать, и где тут у нас сортир...

Последнюю фразу мы услышали уже из лифта. Лифтёр молча отвёз нас на наш седьмой этаж.

– Есть примета: с утра встретишь Савоськина – сутки наперекосяк, – ни к кому не обращаясь, произнёс я.

– Угу, – мрачно согласился Петрович.

Глава 2

17 июля, 23—55, отделение кардиологии.

Вика плыла под водой в невероятно красивом море. Под ней раскинулся коралловый разноцветный лес, наполненный своей, донной жизнью. Куда-то по своим делам неспешно брела парочка крабов; смешные полосатые рыбки что-то обирали пухленькими губками с замшелого камня. Величественно взмахивая крыльями, проплыл-пролетел скат. Пурпурная актиния захватила своими щупальцами зазевавшуюся рыбёшку и теперь готовилась ею позавтракать. Или поужинать, потому что в этом чужом мире судить о времени было невозможно.

Вика почувствовала, что пора выныривать. Она выдохнула остатки воздуха и, быстро перебирая ластами, поплыла вслед за пузырьками к поверхности. Но, подняв голову, Вика с ужасом увидела вместо ожидаемой зеркальной границы, за которой был желанный воздух, всё тот же коралловый лес. Там, наверху, куда она стремилась, было дно. С теми же губастыми рыбками, крабами и актиниями. И совершенно без воздуха.

В панике Вика заметалась от верхнего дна к нижнему, выжигая в себе остатки кислорода. И, когда желание сделать вдох стало нестерпимым, она поняла, что умирает. И проснулась.

Удушье не проходило. Вика часто дышала, стараясь вогнать в лёгкие как можно больше воздуха, но это не помогало: голова кружилась от недостатка кислорода, а в глазах продолжением кошмарного сна вспыхивали разноцветные огни. Руки и ноги похолодели, ощущаясь тяжёлыми, непослушными, чужими.

С трудом Вика села в постели. Стало чуть легче, но ненадолго. Через минуту удушье накатило с новой силой, а вместе с ним одолел приступ кашля. Вика поднесла ко рту салфетку и с недоумением принялась разглядывать появившиеся на ней розовые пенящиеся пятна.

К ней пришёл страх. Даже не страх, нет: чувство, охватившее её, нельзя было назвать просто страхом. Это был ужас: тот самый, леденящий, животный ужас, о котором так часто пишут в романах, но которого сама Вика доселе не испытывала никогда. Она попыталась вдохнуть, чтобы закричать, но вместо крика из груди вырвался жуткий клокочущий хрип вместе с розовыми брызгами. И второй раз за это утро Вика поняла, что умирает... теперь наяву.

Два месяца назад, 13—25, персональная выставка Виктории Боровой.

– Вика, это успех: несомненный и заслуженный!

Николай Глебович Ерохин, как всегда, расплёскивал эмоции. Ещё бы: первая персональная выставка его ученицы – и сразу такой аншлаг! Весь Нероградский художественный бомонд собрался и даже маститые живописцы из столицы почтили своим присутствием выставку Вики. И не просто почтили, но и в один голос восторгались экспрессией и какой-то пронзительной искренностью картин неизвестной доселе провинциальной художницы. Да, это действительно был успех.

– Спасибо, Николай Глебыч! Только это больше ваш успех, чем мой. Я ведь выставила свои старые работы, которые, в общем-то, так или иначе уже демонстрировались почтеннейшей публике. А вы смогли организовать выставку и преподнести их по-новому. Спасибо вам!

– Да полно тебе, Вика! Я всегда говорил, что твои картины гениальны. И сейчас только ещё более утвердился в своей правоте. Это тот случай, когда ученица превзошла своего учителя... ладно, не красней, пошли пить шампанское и принимать поздравления!

Старый художник, увлекая за собой ученицу, ринулся сквозь толпу к накрытому столу. Раскрасневшаяся Вика едва поспевала за ним, на бегу приветственно кивая знакомым, мало-знакомым и вовсе чужим лицам. Неожиданный триумф смущал её. Чтобы преодолеть это смущение, Вика приняла из чьих-то рук полный бокал шампанского и залпом выпила его до дна.

– Жена, а ты, оказывается, тайный алкоголик! Вот так живёшь-живёшь с человеком пятнадцать лет и не знаешь его слабостей. Надо бы тебя почаще на пик славы забрасывать... глядишь, ещё чего вскроется. – Михаил приобнял супругу за талию и чмокнул в щёку. – Поздравляю! Народ ликует.

– А ты? – Вика почувствовала, как стремительно хмелеет.

– А я что? Или я – не народ? – оскорбился муж. – Я – его яркий представитель. И посему ликую тоже. Могу даже в воздух чепчики покидать. Где тут у вас чепчики раздают?

– Колпак бы тебе выдать... шутовской. Ты почему опоздал?

– Извини, дорогая, меня не отпускали благодарные больные. Ну, просто вцепились посиневшими скрюченными пальцами в одежды и умоляли: «Ну полечите же, полечите нас ещё!». Порвали халат и дрались за лоскуты. А я сбежал.

– Твои больные – фетишисты?

– Нет, они просто без ума от своего доктора... Ну, хорош я, хорош. Что ж поделать. – сокрушённо вздохнул Михаил, сотворив из четырёх маленьких бутербродов с икрой один большой. – Я, зато в книге отзывов тебе такую запись оставил – закачаешься! На трёх страницах.

– И что же накропал?

– Не помню уже. Это же в порыве вдохновенья. Муза пришла и ушла. Вкратце смысл сводится к тому, что ежели какой смертный не восхищён твоими полотнами, то горе ему, ибо ущербный он разумом и убогий духом. И пристало ему лишь биться челом неразумным о стену кирпичную до полного избавления от жизни своей пустой и никчёмной. – муж попытался поместить созданную им конструкцию в рот. Конструкция оказалась значительно больше входного отверстия. Михаил озадаченно осмотрел её и начал с аппетитом употреблять по частям.

– Врун, хвостун и обжора. – констатировала Вика, смахивая осыпавшуюся икру с любимого мужниного галстука.

– Угу... зато чертовски обаятельный, – согласился муж, оценивающим взглядом окидывая блюдо с пирожными.

Вика собралась было ещё раз пройтись по поводу аппетитов своего благоверного, но поняла безнадёжность иронии и махнула рукой. К тому же к ней вновь подлетел Ерохин:

– Голубушка, прошу на подиум. Ты просто обязана сказать прочувственную речь жаждающей публике. И не забудь горячо и от всего сердца поблагодарить своего старого учителя за его невероятное терпение. – Николай Глебович вновь железной, совсем не старческой хваткой, стиснул Викину руку и помчался к небольшой сцене.

Вика, совершенно смущённая, поднялась к микрофону. Сердце бешено застучало.

– Дорогие друзья! Я знаю, что должна что-то сказать, причитающееся случаю, но абсолютно не знаю, что именно. Я вижу, что мои картины доставили вам радость... и, наверное, это самое главное для меня: знать, видеть, чувствовать радость близких и дорогих сердцу людей... и знать, что к зарождению этой радости приложила руку я сама. Что-то я очень сумбурно говорю, но, надеюсь, вы поняли, что я хочу сказать. Я всех вас люблю и безумно благодарна каждому из вас... и поверьте, есть за что. – Вика улыбнулась, поймав взгляд Ерохина. – И особенно благодарна своему учителю за его невероятное терпение!

– Ты забыла сказать «старому учителю»! – под смех окружающих выкрикнул Николай Глебович.

– Не забыла. Язык не повернулся назвать вас старым... – Вика хотела продолжить мысль, но вдруг почувствовала, что её язык действительно не поворачивается. Она растерянно стояла перед микрофоном, смотрела на десятки обращённых к ней глаз и... молчала. Онемел не только язык: от самых пальцев ног вверх по её телу словно устремились тысячи ледяных муравьёв... и там, где прошли они, не осталось ничего живого. Её тело ниже пояса просто исчезло: осталась лишь холодная тяжесть. Вика успела понять, что, как только эта волна холода

достигнет груди, её дыхание остановится. И это понимание стало последней оформленной мыслью перед тем, как Вика потеряла сознание.

Два месяца назад, 17—40, отделение реанимации.

...Свет бил в глаза даже через закрытые веки. Открывать их Вике совершенно не хотелось: там, снаружи, приглушенно звучали чьи-то чужие голоса и непонятные звуки... а ещё царили резкие, какие-то казённые и незнакомые запахи. Вика прислушалась к своим ощущениям и обнаружила саднящую боль под правой ключицей: словно неведомый злодей воткнул туда шило, да так и оставил.

Всё-таки приоткрыв глаза, она скосила их вправо и с удивлением обнаружила торчащую из своего тела полупрозрачную трубку, уходящую куда-то вверх. Проследив за ней взглядом, художница увидела висящий над собой небольшой пластиковый пакет, из которого очень медленно капала в трубку прозрачная жидкость. «Капельница! – сообразила вслух Вика, – Это же капельница! А я – в больнице!»

– Совершенно верно! И даже не просто в больнице, а в реанимации. Уж так вышло, Виктория Николаевна, – говорил человек в светло-зеленой хирургической пижаме, стоящий у Викиной кровати. – Позвольте представиться: Виталий Вениаминович Торопов, заведующий этим отделением и ваш врач на сегодня, – говоривший человек улыбнулся, и эта улыбка Вике понравилась.

– А почему только на сегодня? – поинтересовалась она.

– Потому что, во-первых, завтра моё дежурство закончится, и я покину сие заведение, а во-вторых, полагаю, что и вы тут не задержитесь... у нас, знаете ли, долго не залёживаются. Если всё пойдёт хорошо, завтра вас переведут в соседнее отделение. В кардиологию. И там вы обретёте постоянного доктора. Так что, до завтра я в полном вашем распоряжении! – доктор опять улыбнулся и, взяв Вику за запястье, уставился на свои часы.

– Что со мной случилось, Виталий Вениаминович? Я помню мою выставку, банкет... я что-то там говорила... пыталась сказать речь... а потом – темнота и тишина... и вот вы, больница... реанимация! Я что, умирала? И почему кардиология? У меня инфаркт?! – последние слова Вика почти прокричала.

– Ну, отчего же сразу инфаркт. Для него вы слишком молоды... дамы в вашем нежном возрасте инфарктами не болеют. Это, знаете ли, удел мужчин... – Торопов закончил считать пульс и поднял глаза на Вику: – Нет, голубушка, у вас не инфаркт. У вас случилось внезапное нарушение сердечного ритма... так называемый пароксизм. Сердечко ваше начало биться с несвойственной ему скоростью, больше двухсот пятидесяти раз в минуту. При такой частоте оно просто не успевало наполняться кровью в диастолу... ввиду практического отсутствия оной... соответственно, в систолу в сосуды мало что попадало. А поскольку вашему творческому мозгу, как и прочим, нетворческим, нужен кислород... а кислород, как известно, поставляется с кровью... а крови при вашем состоянии в мозг практически не поступало... вот вы и потеряли сознание. И попали в наши чуткие руки. Я понятно излагаю?

– Пока да... а почему у меня всё это случилось? Ну, этот самый... пароксизм? И это может повториться?

– Виктория Николаевна, я пока не могу ответить на все ваши вопросы. Мы всего лишь устранили состояние, угрожавшее вашей жизни. Не было времени анализировать, почему оно возникло. Теперь мы можем спокойно вас обследовать и понять причину пароксизма. И, разумеется, избрать тактику дальнейшего лечения. Но для этого потребуется какое-то время. А пока отдыхайте и набирайтесь сил. – врач с улыбкой коротко пожал Викину руку и вышел из палаты.

Вика задумалась. С одной стороны, здорово, что всё обошлось: она жива, чувствует себя вполне здоровой и даже бодрой... с трудом верится, что всего несколько часов назад она

при всём честном народе брякнулась без сознания на банкете в её же честь. Но с другой стороны... попасть в реанимацию в тридцать семь... как-то это неприятно и наводит на нехорошие мысли. Надо будет Мишку попытать на предмет этих... пароксизмов. Тьфу ты, слово-то какое: на «клизму» похоже. Муж, хоть и хирург, но должен же что-то про сердце знать. Наверняка должен. А этот Виталий Вениаминыч ничего... приятный такой. Улыбка славная... и голос. Голос просто завораживающий. Вика улыбнулась: не хватало ещё в своего доктора влюбиться! Водевиль просто был бы.

И с этой мыслью заснула.

Глава 3

17 июля, 14—25, реанимационное отделение.

Уши у Антонида и в самом деле были нездорового цвета. Да и сам он не производил впечатления организма, полного жизненных сил. А что вы хотите: деду месяц назад стукнуло сто семь лет... устало тело, устало. Да и испытаний на его долю выпало немало. Полжизни прожил на благословенном Крите, рыбачил себе в Средиземном море... или в Адриатическом? Надо бы на глобусе поглядеть. Ещё оливки выращивал. Потом каким-то ветром после Второй мировой Антонида занесло в Союз. Это, ежели не все помнят, страна была такая: Советский Союз называлась. На месте нынешней России и сопредельных «дружественных» держав. Так вот, после войны наш грек, тогда еще не очень древний, по неведомым причинам эмигрировал со своего острова в Киев, где тут же был признан шпионом всех империалистических держав вместе взятых и отправлен в лагерь куда-то под Ухту. После смерти Сталина из лагеря его выпустили, но в Киев обратно не пустили, отправили поднимать целинные северо-казахстанские земли. А уж потом, возделав целину, старый грек осел в нашем тихом, приграничном с Казахстаном, Нерограде. И теперь каждый год, вот уж пять лет исправно попадает к нам с очередным инфарктом. Но в этот раз, похоже, дед всерьёз решил окончить свой жизненный путь.

– Что у нас с давлением? — поинтересовался я у Клары.

– Девяносто на шестьдесят. Это на допамине.

– А без него?

– Без него давление не определяется. И дышать сразу перестаёт.

Я воткнул в уши фонендоскоп и послушал грековы лёгкие. Там нещадно хрипело и хлюпало.

– В сознание приходил?

– Ненадолго. Несколько раз. Что-то лопотал по-своему.

– Ладно, сделайте ему девяносто преднизолона, шестьдесят лазикса и кислород через спирт. Отёк лёгких возвращается... впрочем, он и не уходил далеко, — мрачно добавил я.

Клара засуетилась со шприцами. Я ещё раз взглянул на уши болезного и с удовлетворением отметил возвращение природного цвета. Кислород делал своё дело.

Уже на выходе из палаты я услышал хриплый голос:

– Пальч...

Я резко обернулся. Антонида лежал в той же позе, но теперь глаза его были открыты и пронзительно смотрели на меня. По спине пробежал холодок. Старый грек сейчас вовсе не был похож на того, которого мы все так хорошо узнали за эти годы. Нет, он не был теперь привычным старым работягой, виртуозно матерящимся по-русски с греческим акцентом по любому поводу, а чаще без него. Не был он и неодушевлённым «больным на второй койке», как часто величали его дежурные сёстры. Что-то вдруг изменилось в нём, отчего старый грек Димас Антонида обрёл непонятную, необъяснимую величественность. И лежал-то он теперь на своей койке, аки император на смертном одре. Запавшие чёрные глаза сделались бездонными и, казалось, засасывали в себя свет, отчего вокруг умирающего грека словно бы образовался кокон из сумрака. «Чур меня, чур!» — пришла на ум подобающая случаю фраза. Наваждение прошло.

– Пальч... — повторил Антонида.

– Да, Димас, я тут. — я вернулся к его кровати. — Полегчало немного? Вот и славно. Сейчас ещё лекарства подействуют, и станет совсем хорошо.

– Помираю я, Палыч... Не перебивай, я знаю, что умираю. Мало времени... мне сказать тебе надо... передать... – грек закашлялся.

– Не надо бы вам разговаривать, Димас.

– Надо, Палыч... обязательно надо... Кроме меня никто не знает... никто...

– Чего не знает? – наш диалог всё больше напоминал беседу Ипполита Матвеевича Воробьянинова с умирающей тещей.

– Ты хороший врач, Палыч. Ты меня спасал... не помню сколько раз... только больше не надо... устал... пора мне. Ты запомни обязательно... – Антонида опять умолк, закашлявшись.

– Что запомнить, Димас?

– Агия... Агия Пелагия... Агия...

– Это кто?

– Это не кто... это что. Деревня моя... рыбацкая деревня... там, на Крите. Теперь, наверное, город. Давно не был, не знаю...

– Ладно, запомнил: Агия Пелагия. Ваша деревня. И что там?

– Езжай туда...

Оп-ля! Интрига закручивается. Теперь я должен лететь на далёкий греческий остров Крит для посещения родных мест Димаса Антонида. А красивое название у деревеньки-то: Агия Пелагия. Звучит! Надеюсь, он не попросит меня привезти горсть родной земли на его могилу? Хотя, летом на Крите должно быть хорошо... почему бы и не слетать простому советскому... пардон, российскому доктору в выходные на Крит? Делов-то...

– Езжай... найдёшь дом Антонида... на берегу, старый каменный... наверняка сохранился, ему лет двести уже... больше. Спросишь, покажут. Над домом – скала... высокая, похожая на голову... нос есть, глаза, брови. Не ошибёшься... В доме подвал... Дальняя стена от входа... – грек говорил всё медленнее, видно было, с каким трудом даётся ему каждое слово.

Я не верил своим ушам. Приключенческий роман просто какой-то... Остров сокровищ, блин. Сейчас он скажет, что в стене той – тайник, а в нём – карта, которая приведёт к старинному пиратскому кладу... или не пиратскому, но точно – к кладу. Вот ведь ситуация: и прервать разговор негоже: дед, похоже, искренне верит в собственный бред; и слушать дальше – смешно. Димас между тем отдышался и продолжил:

– Стена сложена из камней. Во втором ряду снизу третий камень справа не закреплён... вынешь его, засунешь руку. Достанешь амфору... небольшую, залитую воском. Внутри карта. Старая карта, мне ещё от прадеда досталась. Пойдёшь по ней...

– Куда? – я едва сдерживался.

– В Лабиринт. Лабиринт Минотавра. Под Кносским дворцом.

Я ощутил себя идиотом. Если грек сейчас сообщит, что для полного счастья мне следует найти там же, на Крите, девицу по имени Ариадна и вместе с ней отправиться мочить милую зверушку с головой быка и телом человека, я, пожалуй, не сильно удивлюсь. Но, чёрт возьми, как бы поделикатнее прервать этот бред?

– Димас, вы устали! Может вновь начаться удушье. Давайте сделаем паузу. Я всё запомнил, когда отдохнёте, расскажете мне, что делать дальше. Договорились?

Антонида захрипел:

– Ты верь мне, Палыч! Я с ума не сошёл и не брежу... понимаю, что трудно поверить, но ты верь... всё правда, Богом клянусь... Кроме тебя больше никому. Ты достоин, ты сможешь... сможешь его достать. Ты не понимаешь... но поймёшь, поймёшь позже... Езжай туда, Палыч, найди его... найди...

– Кого найти, Димас? О ком речь? Я действительно не понимаю.

– Подвал... второй ряд снизу... третий камень справа..., – грек с трудом выкашливал из себя каждое слово, – амфора... Возьмёшь карту, спустишься с ней в Лабиринт. Никто

не знает, что он там... никто... Он не должен быть потерян... он точно там... ты его найдёшь... ты сможешь...

Я был заинтригован. Похоже, Антонида не бредит. И не врёт. По крайней мере, искренне верит в то, о чём говорит. Да и не принято как-то на смертном одре лукавить. Осталось только выяснить, о ком (или о чём) идёт речь.

– Димас, кого я должен найти в Лабиринте? Надеюсь, не Минотавра?

– Шутишь... это хорошо, что шутишь. Он любит весёлых. Сердце весёлого человека закрыто для зла... ты сможешь его достать. Тебе он откроется. Много веков никому не открывался... да и не знал никто... искали многие, да не там. Никто не знал... И теперь не знают... только старый Димас знает, где искать. Но Димас умрёт... и знание с ним... А он не должен исчезнуть. Найди его, Палыч... больше некому...

– Да кого его-то?

– Жезл... Жезл Асклепия...

Дед выдохнул последние слова и закатил глаза. Противно запищал монитор: на экране вместо сердечных комплексов появилась беспорядочно пляшущая зелёная линия.

– Фибрилляция! Клара, лидокаин, адреналин, живо! Звони тревогу! – Я от души треснул некстати умершего грека кулаком по груди, схватил «утюги» дефибриллятора и нажал кнопку зарядки. Завыл звуковой индикатор. Дождавшись прекращения сигнала, я прижал электроды к груди Димаса:

– Отошли! Разряд! – Тело Антонида привычно подпрыгнуло в кровати, подстёгиваемое пятикиловольтным импульсом. Зелёная кривулька на мониторе продолжала свою пляску. В палату, что-то дожёвывая, влетел Петрович. С ходу оценив обстановку, он коршуном бросился на грудь страдальца и принялся массировать сердце. Подоспевшая Клара вприснула в подключичку лидокаин. Вновь завыл звуковой индикатор и тут же замолк.

– Отошли!

Петрович поспешно отпрыгнул от реанимируемого тела и за хлястик уволок за собой Клару.

– Разряд!

Полумёртвый грек вновь подпрыгнул. Три пары глаз уставились на монитор. «Пляска смерти» продолжалась. Петрович, не переставая жевать, вновь захрустел грековыми рёбрами, делая массаж сердца. Заряжая дефибриллятор в третий раз, я некстати вспомнил о просьбе Антонида не реанимировать его боле. Вой зарядника прервался:

– Отошли! Разряд!

– Есть ритм! – Петрович дожевдал, наконец-то, еду. – И даже синусовый!

На мониторе и в самом деле неуверенно побежали долгожданные зубцы. Я положил на место «утюги» и поискал на запястье грека пульс. Тот нашёлся сразу: судя по наполнению, с давлением у нашего долгожителя тоже всё было в порядке.

– Сто тридцать на восемьдесят! – подтвердила мои догадки Клара.

– Отключай допамин, ставь двести лидокаина капельно, потом – поляризирующую. И кислород, само собой. Похороны пациента откладывается на неопределённый срок. Простые русские доктора в неравной борьбе победили старуху-смерть...

Петрович пропел:

– Ехал грека через реку,
Вдруг упал кирпич на греку,
Грека тихо в реку бряк,
А в реке – голодный рак!

И добавил: – Не дали доесть, злыдни! Ну ничего, ничего нет святого... Никакой заботы о здоровье подрастающего поколения!

– Твоё поколение, Петрович, не только подросло... у него уже вторичные половые признаки появились, а также либидо и поллюции. Практически затянувшийся пубертат... поздний, – задумчиво пробормотал я, изучая грековы зрачки.

– В тебе, Палыч, говорит зависть старого чахлого дистрофика к молодому здоровому, полному сил и любимому женщинами организму. Клара, подтверди: этот организм любим женщинами? – Петрович ткнул себя пальцем куда-то в пупок. Видимо, там и находился центр молодого организма.

Клара, подбирая вокруг димасовой кровати плоды нашей бурной жизнедеятельности, хихикнула:

– Этот организм либо ест, либо спит. Когда его любят женщины, непонятно.

Петрович обиженно засопел:

– Это гнусные инсинуации! У меня бывает масса промежуточных состояний...

– А вот о твоих промежуточных состояниях при даме упоминать не стоит, – встревожено замахал я руками на молодой организм, любимый женщинами. – Вряд ли Кларочке интересно подробное описание твоих физиологических отправлений...

Клара отрицательно покачала головой:

– Совсем не интересно. Лучше вы, Пал Палыч, расскажите, что это вам за страшную тайну наш грек открыл? Вы там тихо шептались, но я краем уха кое-что слышала...

Я сделал скорбное лицо:

– Жаль, дитя моё... очень жаль. Ты узнала мою тайну и теперь мне придётся тебя убить. Но сначала буду долго и крайне болезненно пытаться, дабы узнать, что ты успела услышать. – со звериным оскалом я потянулся скрюченными руками к горлу Клары. Она взвизгнула и отпрыгнула за широкую спину Петровича. Тот деловито осведомился:

– Палыч, подержать её? А деньги мы разделим пополам...

– Эх, я к нему за защитой, а он... а ещё здоровым организмом назвался! Да за такую женщину любой организм, даже больной, на амбразуру бросится! – Клара с укоризной выговаривала Петровичу, однако из-за него не высывалась.

– На амбразуру – легко! А на Палыча – не буду. Во-первых, потому что друг и коллега, а во-вторых – он, хоть и худой, но айкидо знает... побьёт. – Петрович развернулся, вытащил из кармана яблоко и протянул Кларе. – Вот... от сердца последнее отрываю. Вернее, от желудка. Это для меня труднее, чем на амбразуру. Мир?

Клара гордо приняла яблоко, грациозно сделала книксен и величаво удалилась из палаты. Мы с Петровичем проводили её взглядами, нескромно думая об одном и том же.

– Да... и как тут работать в таких условиях? – сглотнув, риторически поинтересовался Петрович. – А кстати, Палыч, о чём это она говорила? Какие такие тайны тебе Димас открыл пред ликом смерти?

– Не поверишь. Как в лучших приключенческих романах. Надо лететь на Крит, найти там карту, потом с этой картой в Лабиринт, к Минотавр... и будет мне счастье. Гипоксия мозга вкупе с энцефалопатией рожают загадочные образы.

Петрович задумчиво посмотрел на бесчувственного грека:

– Думаешь, бред? А вдруг? Чем чёрт не шутит... ему сколько лет-то? Сто с гаком... Может, и в самом деле зарыл что-то... или предки его.

– Петрович, я тебя умоляю! Ты, конечно, организм молодой, но не грудной же! Всё ещё в сказки веришь?

– Хочется верить в сказки, Палыч. Ох, хочется. Ладно, пошли кофе пить, а то, неровен час, ещё кто-нибудь помирать соберётся, а ты вовсе с утра не евши... нехорошо-с!

Глава 4

Два месяца назад, 23—35, отделение реанимации.

Вика проснулась отдохнувшей и в хорошем настроении. Снился чудный сон; о чём именно, правда, она вспомнить не смогла, как ни пыталась. Но ощущение радости осталось. Его не смогло испортить даже возвращение к суровой реанимационной действительности. Вика огляделась. Из капельницы в неё продолжала очень медленно поступать неизвестная, но, наверное, весьма полезная жидкость. В больших окнах, выходящих в коридор отделения, постоянно мелькали чьи-то головы. У выхода из палаты за маленьким столиком уютно устроилась симпатичная медсестра, увлечённо читая при свете настольной лампы. За тонкой ширмой похрапывал кто-то... наверное, соседка по палате.

Только сейчас Вика с удивлением обнаружила, что на ней ничего нет, кроме тонкого одеяла в казённом пододеяльнике с рисунком из слова «Минздрав». Впрочем, не только: на груди обнаружили три круглые наклейки, от которых тянулись разноцветные провода. А над кроватью висел странного вида телевизор, в который эти провода уходили. По экрану непрерывно бежала кривая зелёная линия. «Это же моё сердце так работает», – догадалась Вика. Она долго заворуженно следила за ритмичными всплесками на экране, силясь понять, что должна означать эта кривая, да так и не пришла ни к чему. Утешила себя мыслью о том, что если бы что-то было не так, сюда бы уже примчались врачи во главе с давешним Виталием Вениаминовичем.

В палату стремительно вошёл незнакомый высокий врач. Лицо его скрывала марлевая маска. На ходу стаскивая с рук резиновые перчатки, доктор обратился к встрепенувшейся сестре:

– Кларочка, в третьей палате у Смольцовникова давление рухнуло. Я ему в дозатор добутрекс заправил. В палате сестричка новенькая, присмотри за ней. Робеет и суетится.

– Хорошо, Пал Палыч! – Кларочка вспорхнула из-за стола и исчезла в коридоре.

Вика оцепенела. Этот голос... она узнала бы его из миллионов. Даже если бы сестра не назвала его по имени-отчеству, ошибиться было бы невозможно. Но как? Пятнадцать лет прошло, ни разу не встретились в их небольшом городе. Уезжал? Наверное, уезжал. И вот, надо же было так... попасть сюда, к нему... Господи, что же делать-то?

Вика испытала два противоречивых желания: по-детски спрятаться с головой под одеяло и закрыть глаза, или, сорвав с себя все эти дурацкие трубки и провода, броситься ему на шею, как тогда, раньше... И плевать, что без одежды, не впервой... хотя, наверное, фигурка у неё уже не такая точёная, как в двадцать два... но пока ещё очень даже ничего, мужики оглядываются. «Господи, о чём я думаю!» – ужаснулась Вика собственным мыслям.

Светин тем временем, стянув с лица маску, листал чью-то историю болезни. Привычка сосредоточенно хмуриться с годами его не оставила, отметила Вика. И вообще, изменился мало: разве что черты лица стали острее, утратили прежнюю юношескую, даже, пожалуй, детскую какую-то мягкость... и седины многовато для его сорока... «Он же на шесть лет старше», – вспомнила Вика. Значит, ему уже сорок три... а выглядит намного моложе. Впрочем, и сама она на свой возраст не тянула... по распространённому и, хочется надеяться, объективному мнению.

Вика лихорадочно думала, как поступить. Прятаться глупо: нет никакой надежды на то, что врач за сутки ни разу к ней не подойдёт. Да и не хочет она прятаться, если честно. Скорее наоборот... вернуться, вернуться назад, на пятнадцать лет, пусть ненадолго, на миг хоть бы... Господи, какая же дура... тогда дурой была, да и сейчас ею осталась! Вот, положил свои бумажки, поворачивается, уйдёт сейчас... ох, дура!

– Пашка!

Светин вздрогнул и замер на месте, спиной к ней. Не оборачиваясь, тихо произнёс, словно самому себе отвечая:

– Викуша.

Медленно, осторожно повернулся, встретился взглядом... «Всё-таки изменился, глаза вон какие жёсткие стали... повзрослел Пашка!» – успела подумать Вика. Светин шагнул к ней...

В наступившей тишине раздался пронзительный писк. На табло рядом с входной дверью красным цветом замигала цифра «3». В коридоре забегали, в Викину палату заглянула запыхавшаяся Кларочка и, с трудом переводя дыхание, выпалила:

– Пал Палыч, в третьей – клиническая смерть!

– Смольцовников?

– Он! – Кларочка умчалась.

Доктор виновато взглянул на Вику и выбежал следом.

В палату вошла незнакомая сестра. Она напрямиком направилась к Викиной постели:

– Добрый вечер! Виталий Вениаминыч распорядился сделать вам снотворное. Вам нужно очень хорошо отдохнуть.

С этими словами сестра воткнула шприц в торчащую из Викиного тела трубку. «Как же нелепо всё...» – успела подумать Вика, прежде чем провалиться в неестественно-глубокий сон.

Глава 5

17 июля, 15—40, реанимационное отделение.

Есть совершенно не хотелось. Я потягивал вторую чашку кофе, пытаюсь понять, что же меня «зацепило» в разговоре с Димасом. А ведь зацепило, факт. Иначе не думал бы последние полчаса о далёком городке с милым женским именем Агия Пелагия.

Итак, Асклепий. Он же Эскулап в древнеримской транскрипции. Греческий бог медицины, бог-целитель. Заслуживший немилость самого Зевса за то, что замахнулся на него, Зевсову монополию: воскрешать мёртвых. За что и получил. Зевс Асклепия то ли сам молнией порешил, то ли Аиду поручил устранить оппозиционера. Словом, пал один бессмертный бог от руки другого бога, более бессмертного.

Успел Асклепий породить дочерей, Панацею и Гигиею... чем они знамениты, убейте, не помню. Вроде бы пошли по стопам папеньки, тоже успешно врачевали, но не зарывались и на устои не посягали.

И был, значит, у Асклепия жезл... Помню, что обвит он был змеёй, отсюда и символ медицинский пошёл: «наша мама ест мороженое», то есть, змея с рюмкой... или чашей, если угодно. Но вот о том, куда делся жезл после кончины хозяина, зачем он нужен, что он может... полный пробел в знаниях. Табуля раса, как говорили древние римляне. Чистая доска, стало быть... Ни с чем, ни с какими событиями жезл Асклепия у меня не ассоциируется. А ведь должен, не мог такой артефакт просто пропасть бесследно, тут Димас прав.

Я поймал себя на мысли о том, что думаю об Асклепии с его причиндалами, как о реальной древней личности. Ох, Антонида, чем же ты меня зацепил-то? Меня, старого скептика! Да, сдавать стал, если уж на такие сказки купился... Я набрал номер местного телефона:

- Клара, когда Антонида в себя придёт, мне сообщи, плиз.
- Обязательно, Пал Палыч! Что, тайну золотого ключика не всю выведали?
- Ещё слово, несчастная, и я брошу тебя в тёмный чулан с пауками. Как Буратино. Несносная девчонка хихикнула и отключилась.

Два месяца назад, 00—55, отделение реанимации.

Смольцовников не выжил. Сердце просто взяло и остановилось: сначала возникла полная поперечная блокада с ритмом двадцать в минуту. Я поставил ему кардиостимулятор, но это помогло ненадолго: минут через десять сердце просто перестало реагировать на внешние импульсы. Полная асистолия и ноль реакции на все наши старания. Будто рубильник выключили.

Я писал посмертный эпикриз и пытался разобраться в собственных эмоциях. В пятой палате каким-то образом оказалась Вика. Шеф принял её днём, пока мы с Гуськовым в кардиологии реанимировали очередного болезного. Не скрою, её внезапное появление застало меня врасплох, словно выстрел в спину. Казалось, что за годы, прошедшие с того дождливого сентябрьского дня, когда она заявила о своём желании расстаться, мне удалось заполнить вмиг образовавшуюся пустоту. Зияющую, холодную и совершенно неожиданную... всё ведь было хорошо, почему вдруг Вика решила уйти? Она не объяснила. Да я и не пытался выяснять. А через два месяца вышла замуж. Тоже за врача, хирурга-онколога, кажется. Или не онколога? Неважно.

Важно другое: хватило одного её слова, чтобы понять – я не исцелился. И это – несмотря на пусть и не вполне удачный бездетный, но шестилетний, всё-таки, брак; и на последующие романы, и просто мимолётные приятные увлечения. Иные героини тех романов и романчиков были очень даже ничего... во всех отношениях. Но Вика... С глаз долой – получилось, а вот из сердца вон – увы-с!

Я притянул к себе её историю болезни. Так, пароксизмальная наджелудочковая тахикардия, аритмогенный шок. Шеф обошёлся без электроимпульсной терапии, быстренько купировал аденозином. Что же это вы, Виктория Николаевна, в пароксизм-то сорвались? Ну-ка, что успели посмотреть? Кровь спокойная, кардиограмма после восстановления ритма вполне нормальная. Эхо... где тут эхо? Я перевернул последнюю страницу: искомый листок с данными ультразвукового исследования сердца почему-то оказался подклеенным не на своё место. Посмотрим...

В грудь прокрался неприятный холодок. Сердце Вики было просто огромным, с фантастически расширенными полостями предсердий и желудочков, заключёнными в истончённые мышечные стенки. Вот оно как... дилатационная кардиопатия. Судя по размерам полостей, биться этому сердцу осталось совсем недолго... пару-тройку месяцев, полгода – максимум. И всё это время – в отёках, с синими губами, в удушье, ни лечь – задохнёшься, ни встать – обморок. Только сидя, спать и то сидя, обложившись подушками, чтобы, неровен час, не лечь... Как же так, откуда? И ведь не поможешь ничем, разве что пересадкой сердца... но это – очередь в ожидании донора на годы, а болезнь Вике этого времени не даст. Странно, что сейчас у неё пока нет признаков сердечной недостаточности, как пишет Витаминыч в истории. С такими-то полостями... Но это ещё хуже: те, кто долго компенсируются, молниеносно сгорают... Сколько же времени у неё осталось? И знает ли она уже? Вряд ли шеф ей сказал сразу после пароксизма: могла опять сорваться в тахикардию на фоне эмоционального всплеска.

Я вышел в коридор и встал у большого окна в пятую палату. В неярком свете дежурного освещения лицо Вики было совершенно спокойным, даже умиротворённым каким-то. Лежит низко, дышит спокойно: монитор показывает шестнадцать в минуту, норма. Ритм синусовый, с пароксизмом шеф сладил легко. Нет, точно не знает пока... вон, как улыбается во сне. Спи, Видуша, спи... завтра у тебя будет трудный день. Впрочем, как и все последующие.

Неслышно подошёл Витаминыч:

- Молодая, красивая... жаль. Кардиопатия у неё.
- Знаю, прочитал уже. Ей не сказали ещё?
- Не рискнул, нам сейчас эмоциональные потрясения ни к чему. Завтра узнает. Муж у неё – наш коллега. Хирург из областного онкодиспансера. Боровой Михаил, не слышали?
- Нет, не довелось как-то. – Я ещё раз взглянул на Вику и двинулся за шефом в ординаторскую.

17 июля, 17—25, реанимационное отделение.

Клара впорхнула в ординаторскую, заставив Петровича оторваться от очередного бутерброда. Он недовольно заворчал:

- Клара Артуровна, отчего это вы появляетесь именно в редкие моменты моей трапезы?
- Это оттого, Иван Петрович, что иных моментов у вас просто не бывает. Впрочем, эту тему мы с вами нынче уже обсуждали! – Кларочка повернулась ко мне: – Пал Палыч, Антонида в сознании, разговаривает. Вас требует.

Я отложил ручку и вышел вслед за сестрой. Димас и в самом деле довольно резво ворочался в кровати, покряхтывая и что-то бормоча по-гречески. Судя по интонациям, грек был чем-то недоволен:

- Палыч, я же просил... не надо было меня спасать. Устал я.
- Ну, Димас, уж извините. Работа такая. Да и не договорили мы.
- Всё запомнил? Повтори! – потребовал старик.
- Агия Пелагия, ваш старый дом под скалой в форме головы, дальняя стена в подвале, третий камень справа во втором снизу ряду. Запечатанная амфора. Достать карту и топтать в Лабиринт за жезлом Асклепия. Всё точно?
- Точно... но есть ещё кое-что. Открой тумбочку.

Я выдвинул верхний ящик. Там лежали очки, вставная челюсть и ключи. Я вопросительно посмотрел на грека.

– Ключи... ключи возьми. Туркестанская, семь, квартира четырнадцать. Я один живу, дома нет никого. В шкафу, в нижнем ящике шкатулка. В ней возьми печать... такой камень пятиугольный. Храм высечен... с колоннами... как в Акрополе, только меньше. В Лабиринте печать понадобится... когда жезл найдёшь. Без печати жезл не взять...

Классика жанра. Всё в лучших традициях: герой обладает чем-то, что приведёт его к сокровищам. Полагается ещё злодей (или злодеи), которые будут строить всяческие козни, мешая герою добраться до цели и спасти мир. А грек тем временем, отдышавшись, продолжал:

– Бери ключи, Палыч! Возьми печать, найди жезл... ты сможешь...

Я пристально посмотрел в тёмные глаза грека и понял, что ключи я возьму.

– Хорошо, Димас. Но скажите мне, этот жезл... Он зачем нужен-то? Что с ним делать, когда достану?

– Жезл даёт дар... Только жрецы Асклепия могут его принять... только они могут найти и взять сам жезл...

– Димас, где ж я жрецов-то найду?

Старик захрипел и больно вцепился в мою руку:

– Не понимаешь, Палыч? Ты – жрец Асклепия, его служитель. Ты – врач!

– Допустим. А что за дар даёт жезл?

– Исцеление... Дар исцеления... точно знаю. И ещё что-то... Никто не владел жезлом после Асклепия. Никто не знает точно, что может жезл... какая сила в нём. Ты узнаешь. Ты будешь первым... после бога... После Асклепия. Ты заслужил, Палыч...

По моей спине пробежали мурашки. Удивительным образом странные слова старика воспринимались всерьёз. Грек не врал, не сочинял, не предполагал даже. Он просто ЗНАЛ. Знал, что в самом деле жил на Олимпе бог-целитель Асклепий, и был у него жезл, и кто-то упрятал этот жезл в Лабиринт после гибели бога. И вот теперь мне предстоит вернуть этот жезл миру.

Я почувствовал себя Брюсом Уиллисом, летящим к астероиду. А старик продолжал вещать:

– Только учти, Палыч: как только ты возьмёшь печать и начнёшь свой путь к жезлу, обратного хода не будет. О том, что ты пошёл за ним, узнают очень скоро...

– Кто узнает?

– Охотники... не знаю, кто они, откуда, как выглядят... Прадед тоже не знал. Но он говорил так: того, кто пойдёт за жезлом, будут преследовать охотники. Будь осторожен, Палыч... будь осторожен...

Старик закрыл глаза и, отпустив мою руку, откинулся на подушку. Глаза его закрылись. Сознание вновь покинуло многострадальца. Я присмотрелся: да нет, просто уснул. Ладно, Димас, спи, отдыхай, а я пойду переваривать полученную информацию.

Сделав пару шагов к двери, я остановился. В ушах прозвучал хриплый голос грека, призывающий меня взять ключи. Сам не зная, зачем, я вернулся к кровати Антонида и достал из тумбочки увесистую связку. Обещал, всё-таки...

17 июля, 23—59, отделение реанимации.

Звонок телефона разорвал в ключья блаженную тишину ординаторской. Я вскочил с кушетки, пытаюсь разделить сон и явь, схватил трубку:

– Реанимация!

– В кардиологии клиническая смерть! Семьсот двенадцатая палата! —проорал в трубку доктор Симакин и отключился.

– Петрович, в ружьё! В кардиологию на реанимацию!

Мы выскочили в коридор и, подхватив «волшебные чемоданчики», устремились в кардиологию. Из седьмой палаты выбежала Клара и пристроилась в арьергарде. Боевым порядком мы пролетели тёмный коридор отделения: у семьсот двенадцатой столпились изгнанные Симакиным из палаты больные. Внутри царил полумрак, на койке у окна лежало тело пожилой женщины. Мы с Петровичем поставили чемоданы и схватились за углы матраса:

– Три, четыре! – Больная вместе с матрасом оказалась на полу. Я нащупал пальцами сонную артерию. Петрович занёс кулак над грудиной...

– Стой, Петрович!!! —Мой вопль опоздал на долю секунды. Хрясь! Кулак коллеги опустился на грудь больной...

– А-а-а, убивают! Вы что ж делаете, ироды! – покойница истошно заорала и принялась стряхивать с себя ошалевшего Петровича, – Да что ж это творится-то?! Спала, никого не трогала... на пол швырнули, бить стали! За что?!

Петрович вопросительно уставился на меня. Я пожал плечами:

– Был пульс. Я хотел сказать, но ты успел раньше...

– А где наш труп? —возмутился коллега.

И в самом деле. Вызывали-то на реанимацию. Симакин, хоть сволочь изрядная, но врач неплохой, и такими вещами шутить не станет. Кто-то действительно умер, а мы тут время теряем. Почти минуту коту под хвост. Мы переглянулись и вновь схватились за матрас:

– Три, четыре! – визжащее тело вновь оказалось на кровати. Я на секунду задержался:

– Простите, сударыня! Обознались, – и, провожаемые проклятиями покойницы-симулянтки, выскочили в коридор. Тётки больничных халатах заверещали:

– Сюда, сюда вам, скорее, – тыча пальцами в соседнюю семьсот тринадцатую. Я выругался про себя: то ли у Симакина дефект дикции, то ли у меня дефект слуха. Ладно, потом разберёмся. Мы вихрем влетели в искомую палату.

Первое, что бросилось в глаза – ритмично двигающаяся симакинская спина в промокшем насквозь халате. Коллега делал массаж сердца, видимо, уже давно.

– Петрович, замени! Клара, маску, гармошку, клинок! И готовь подключичку. – я выхватил из рук сестры дыхательный набор и присел у головы умирающего... умирающей! Вика!

– Пал Палыч, вы что? – окрик Клары вывел меня из оцепенения. Я запрокинул Викину голову и прижал к её лицу маску:

– Петрович, стоп!

Коллега прекратил массаж. Я сделал гармошкой вдох. – Давай дальше. На «пятнадцать – раз».

Петрович кивнул и начал бормотать отсчёт. Клара быстро раскладывала всё необходимое для интубации. На счете «пятнадцать» Петрович остановился. Я сделал ещё два вдоха и схватил поданный Кларой ларингоскоп. Так, язык отжать, надгортанник вверх... вот она, гортань. Скверно, ах, как скверно! Из гортанной щели выползала розовая пена. Отёк лёгких!

– Трубку!

Клара вложила мне в руку интубационную трубку. Я аккуратно ввёл её в трахею, подсоединил гармошку и начал вентиляцию. Сестра раздула манжетку и зафиксировала трубку.

– Петрович, что с ритмом?

Он прижал «утюги» к груди Вики. На мониторчике дефибриллятора беспорядочно заплясала зелёная змейка.

– Фибрилляция! Заряд!

Мерзко, с нарастающей амплитудой, завыл звуковой индикатор зарядки и через три секунды умолк.

– Отошли!

Я поспешно убрал руки.

– Разряд!

Викино тело выгнулось дугой. Змейка на мониторе продолжала судорожно извиваться. Петрович чертыхнулся, отбросил «утюги» и продолжил массаж.

– Всё готово для подключички! – Клара времени зря не теряла. Я отложил гармошку и в несколько движений установил катетер в подключичную вену.

– Лидокаин, восемьдесят.

Клара стремительно отламывала ампулам головки. Петрович опять схватил «утюги». Раздался знакомый вой зарядника. Я качал гармошку, тщетно пытался нащупать левой рукой пульс на сонной артерии и отрешённо смотрел на Вику. «И это всё, что я любил...», – невесть откуда пришла на ум цитата.

Происходящее носило совершенно сюрреалистический характер. Нет, всё было привычным: клиническая смерть, реанимация, чёткие действия по устоявшемуся алгоритму... вот только тело, которое мы терзали в попытках вернуть к жизни, принадлежало Вике... а когда-то и мне. И это было насквозь неправильным...

– Отошли! Разряд!

Мгновенная пронизывающая боль вонзилась в левую руку, так и не нашедшую пульс на шее Вики. Сильнейший удар отбросил меня от неё. Боль горячей лавиной пронеслась по всему телу, заставив сердце судорожно сжаться. Я удивлённо посмотрел на Петровича, беззвучно что-то кричавшего, попытался вдохнуть, чтобы ему ответить... и не смог. А потом наступила холодная темнота.

Глава 6

Когда и где – непонятно.

Существо больше всего напоминало Чебурашку, изрядно пополневшего и заточившего себе уши напильником под острый угол. При этом псевдо-Чебурашка лишился своей привычной мохнатости, зато обрёл грандиозный панковский ирокез рыжей масти. Ирокез задорно торчал между заострёнными ушами и ритмично поддёргивался: существо что-то старательно жевало. Одето оно было как-то по-крестьянски: в длинную, почти до пяток грубую холщовую рубаху. Очень похоже, что домотканую. Неведомая зверушка сидела в ногах моей кровати и болтала босыми пятками в воздухе.

Стоп. Я увлёкся изучением странного гостя и не сразу понял, что нахожусь в родной реанимации... только вот по другую сторону баррикад, так сказать. Я лежал на койке в нашей «люксовой» десятой палате (вся люксовость которой сводилась лишь к её одноместности). Под правой ключицей у меня торчал катетер, в него что-то там капалось. Ба, даже к монитору подключили! Ну-ка, что там у нас? Синусовый ритм, отлично, поживём пока. А что это у меня грудь так саднит?

Я попытался рассмотреть, что там. Худшие подозрения оправдались: на коже красовались два круглых свежих ожога геометрически-правильной круглой формы. Итак, всё ясно: я зазевался и не убрал руки, меня шарахнуло парой-тройкой тысяч вольт, и я немножечко умер... А коллеги вернули меня в наш мир... при помощи не вполне эстетичных и приятных, но зато чертовски эффективных способов.

Ладно, с этим определились. В принципе, теперь появление странного существа на моей кровати становится вполне объяснимым. Галлюцинация. Простой, незатейливый такой глюк. Вызванный преходящей гипоксией головного мозга во время клинической смерти. Глюки, как известно, бывают разные. Самый распространённый в народе (особенно после праздников) – маленькие зелёные человечки. Мой глюк был эксклюзивным: во-первых, человечком его назвать сложно, во-вторых, он не зелёный а, скорее цвета кофе с молоком, в-третьих, не такой уж и маленький... метр точно будет... может, чуть больше.

– Один метр, семь сантиметров! – произнёс глюк, прекратив жевать.

Я вздрогнул. Галлюцинация оказалась не только зрительной, но и слуховой, даже вербальной. Сколько же я времени пробыл в клинической смерти?

– Двадцать две минуты и сорок четыре секунды, – немедленно ответил глюк и уселся поудобнее. На меня уставились два огромных синих глаза. Глюк откровенно меня изучал, наклоняя большую голову с ирокезом то к правому плечу, то к левому. Его брови вопросительно поднялись домиком. В мимике активно участвовали уши, то сворачиваясь в трубочки и вновь разворачиваясь, то волнообразно изгибаясь.

Я понял, как мне нехорошо: галлюцинация не только была невероятно чёткой, она ещё и вполне связно разговаривала, отвечая на невысказанные вслух вопросы.

– Слушать мысли – дело нехитрое. И вовсе я не глюк! —сварливо заявило существо.

– А кто же ты? – трудом, но я обрёл-таки дар речи. В горле подозрительно запершило, похоже, коллеги меня ещё и интубировали. Ай, молодцы!

– Я – Хранитель Улья! – гордо заявил бывший глюк и подбоченился короткими ручками. Я переспросил:

– Хранитель улья? Пасечник, что ли?

– Сам ты пасечник! – существо, похоже, всерьёз обиделось. —Я —Хранитель Улья! Это должность такая... и звание. Почётное, между прочим!

– А имя-то у тебя есть, Хранитель?

Существо задумалось и озадаченно почесало ушами брови:

– Имени нет. Меня как-то все Хранителем зовут... Так всегда было.

Я попытался оценить своё психическое состояние. Врач-реаниматолог, сорока трёх лет от роду, скептик и циник, валяется на койке в собственном отделении и мило беседует с неким существом странного вида, говорящим человеческим голосом, размахивающим ушами и называющим себя Хранителем Уля без имени. Да психиатры меня с руками оторвут...

– Как же без имени... без имени нельзя, – скрывая свои тяжкие мысли пробормотал я, – надо бы тебя назвать как-то.

Хранитель заинтересованно поднял правое ухо:

– Назвать? И у меня будет своё имя?

– Ну да.

– Навсегда-навсегда?

– Если захочешь, сможешь сменить.

Бывший глюк захлопал в ладошки:

– Я согласен, согласен! А как ты меня назовёшь?

Я задумался. И в самом деле, как? Надо бы что-нибудь такое, незатейливое... но человеческие имена с моим новым приятелем как-то не ассоциировались. И тут меня осенило:

– Хруль!

– Как-как?

– Хранитель Уля: ХрУль. Коротко, ёмко и красиво.

Существо задумалось, бормоча себе под нос своё новое имя, как бы пробуя его на вкус.

И расплылось в широкой улыбке:

– А что, мне нравится! И звучит красиво. Пусть будет Хруль.

Ладно, пора внести ясность. Рывком усевшись в постели, я требовательно уставился на новоназванного Хруля:

– Может, объяснишь, что происходит? Ты кто?

Хруль недоумённо уставился на меня:

– Я же тебе только что сказал: Хранитель Уль...

– Это я слышал. Ладно, сформулирую вопрос иначе: вот я, к примеру, человек. Кошка – это кошка, хомячок – это хомячок... а кто ты? К какому виду относишься? – решил я классифицировать собеседника.

Хруль задумался, но ненадолго:

– Ну... иногда таких, как я, называют пол... полтергейстами...

Час от часу не легче!

– Ты что, привидение? И... «Таких как я...» – вас что, таких много?

Хруль опять обиделся и сделал стойку ушами:

– Я не привидение! Это вы, люди, придумали называть нас, Хранителей, полтергейстами.

А мы не духи вовсе... просто иногда приходится пошуметь. Производственная необходимость.

Я, не сдержавшись, захохотал. Чебурашка—мутант, рассуждающий о производственной необходимости – это сильно!

Полтергейст Хруль насупился:

– И что смешного?

– Прости, это я так... о своём, – утерев слёзы и отдышавшись, выдал я, – Ладно, выяснили: полтергейсты на самом деле не «шумные духи», а Хранители Ульев. Это, конечно, многое объясняет...

Хруль иронии не понял:

– Значит, ты больше не будешь задавать дурацкие вопросы?

Теперь настал мой черёд обижаться:

– Это почему же дурацкие?!

– Потому что мне приходится тебе объяснять элементарные вещи! – менторским тоном заявил ушастик.

– Уж извини, но вопросы я задавать буду. И много вас таких... Хранителей?

Хруль опять озадачился:

– Точно не знаю... никто, наверное, не считал. Но Ульки есть в каждом городе... и не только в городах, в деревнях тоже. Только там Ульки совсем маленькие, так... районного масштаба, – несколько пренебрежительно закончил Хранитель.

Голова у меня пошла кругом. Под одеялом я ущипнул себя за ногу: было больно. Всё реально, Хруль не явился ко мне в ночном кошмаре, он действительно сидит передо мной и с незамутнённым взором вещает о каких-то ульях, которые есть в любом населённом пункте... что же там за пчёлы-то живут, в этих ульях?

– Не пчёлы, – Хруль опять принялся читать мои мысли.

– А кто же?

– Души. Души ушедших.

– Умерших?

– Нет, ушедших. Они не умирают, они уходят. А потом возвращаются.

Приехали. Итак, в ульях живут души. Бессмертные, как известно. А Хруль, стало быть, их Хранитель. Запахло мистикой. Я устроился поудобнее и приготовился к долгому серьёзному разговору:

– Так, я ничего не понимаю. Расскажи с начала и поподробней: что это за Ульки, зачем они? Куда возвращаются души? Каковы твои функции? И, в конце концов, я-то тут при чём?

Хруль тяжело вздохнул, уселся по-турецки и начал свой рассказ:

– Ульки были всегда. Когда душа человека уходит из вашего мира, она попадает в Улей. И ждёт там своего часа, когда ей будет назначено вернуться. Вернуться в ваш мир, дав жизнь новому человеку. Потом душа опять уходит и вновь оказывается в Улье. И опять ждёт... Это бесконечно. Я – Хранитель. Я слежу за тем, чтобы Улей не опустел. А ещё присматриваю за порядком в нём. Души, знаешь ли, разные встречаются... некоторые норовят без приглашения вернуться в ваш мир. Или наоборот, раньше времени сунуться в Улей. Ну, и в самом Улье бывает беспокойно: каждая душа обладает ин... индивидуальностью. – Хруль с трудом выдал длинное слово, – Капризы, претензии... иногда конфликты. С особо буйными церемониться не приходится. Отсюда и все эти стуки, двигания мебели, летание тарелок и тому подобные явления, которые вы, люди, называете «полтергейстом». Тьфу ты, слово-то какое придумали! Не выговоришь, – сварливо пробурчал ушастый смотритель за душами.

Я не верил своим ушам. Место вечного обитания бессмертных душ в рассказе Хранителя больше напоминало старую добрую студенческую общагу... а сам Хруль – то ли её коменданта, то ли председателя студсовета. Но всё ещё оставалось много неясностей:

– А кто тебя назначил Хранителем? Или избрал? И кто определяет, когда душе пора собираться в Улей или наоборот, возвращаться к людям?

Хруль посмотрел на меня жалостливо, как на больного свинкой:

– Мало тебя током били... ой, мало! Совсем не понимаешь? Кто назначает, кто определяет... – передразнил меня ушастый, – ОН!

– Кто?

Хруль ткнул пальцем вверх:

– ОН!

Я машинально взглянул вверх и увидел лишь потолок больничной палаты.

– Не смотри, не увидишь... ЕГО никто не видел, даже Хранители.

Я не стал вступать в теологическую дискуссию. Главное понятно: ОН есть и наличие у меня бессмертной души – это тоже суровая реальность... интересно, каково моей душе будет в Улье под присмотром Хруля...

– А никак, – опять сосканировал мою мысль ушастый телепат, – В том-то и дело, что в Улей твоей душе теперь дороги нет!

– Это почему же? Всем в Улей можно, а мне – нет? Что за дискриминация! – возмутился я.

Хруль опять грустно вздохнул:

– Я, собственно, потому и здесь. Видишь ли, есть большая проблема. Число душ в Ульях ограничено. Сколько ОН в своё время их создал, столько всегда и должно было бы жить в людях и Ульях. Новые души никогда не рождались и никем не сотворялись. Предполагалось, что и убывать они тоже никуда не будут. Но...

– Но? Вмешался неподвиженный фактор?

– Именно. Как только были созданы души, появились Охотники...

Щёлк! В памяти моей тут же всплыло предостережение Димаса о неведомых Охотниках, которые будут преследовать меня на всём пути к таинственному жезлу. Совпадение? Или же старый грек и Хруль говорили об одном и том же?

– Об одном, об одном! – подтвердил Хранитель мои догадки.

– Прекрати это! – я вскипел от негодования.

– Что «это»? – вскинул на меня невинные глазки Хруль.

– Прекрати читать мои мысли! Это, в конце концов, просто неприлично!

– Да?! – изумился ушастик. – Вот уж не думал! И вообще, я не нарочно, у меня это получается исти... икститивно!

– Инстинктивно, двоечник. А ты можешь подавить эти свои инстинкты и не влезать ко мне в мозг?

Хруль подумал немного:

– Могу, наверное. Не пробовал никогда, но постараюсь. Если тебя это так задевает.

– Уж сделай одолжение! Я, знаешь ли, не привык, чтобы в моих мыслях так бесцеремонно копались. Но мы отвлеклись. Итак, есть некие Охотники, которые, как видно из титула, за кем-то охотятся. За кем? И какая связь между твоим рассказом и историей грека?

– Всегда есть другой полюс. Белое и чёрное. Огонь и вода. Тепло и холод. День и ночь. Добро и зло... можно перечислять бесконечно. Есть ОН. И есть ДРУГОЙ. Который делает всё, чтобы Ульи опустели. ДРУГОЙ создал Хозяев. Хозяев украденных душ. Это жуткие создания. От них не спастись. Если они начинают свою охоту за душой, то не остановятся, пока не овладеют ею. И тогда душа никогда больше не вернётся в Улей.

– А в человека?

– В человека может. Но... такой человек становится пособником Хозяев в вашем мире – Охотником. Он всю свою жизнь будет нести только зло. И, что самое ужасное, таких людей всё больше. Людей, с украденными душами. Ульи пустеют, Павел... – впервые Хруль назвал меня по имени и умолк, грустно опустив глаза.

– А что случится, если Ульи опустеют совсем?

– Конец. Человечеству придёт конец. Люди перестанут рождаться и через несколько десятков лет умрёт последний представитель вида Homo Sapiens на этой планете. Кто знает, может быть, через пару-тройку миллионов лет на Земле появится новая разумная раса... а может, так всё и останется.

Я поёжился. Перспектива, нарисованная моим новым знакомым, совершенно не радовала. Но я всё ещё не мог понять, какую роль во всём этом катаклизме играю я. И почему теперь путь в хозяйство Хруля мне заказан? Я вопросительно взглянул на полтергейста. Тот молчал. Пауза затягивалась. Я не вытерпел:

– Ну? Дальше рассказывай. Ты же мой вопрос слышал наверняка!

Хруль вредно ухмыльнулся:

– Ты сам запретил читать твои мысли. Откуда мне знать, о чём ты там думаешь?

Я скрипнул зубами и потянулся за тапком. Хранитель Улья опасно покосился на меня, заёрзал в кровати и продолжил ликбез:

– Способов отловить души у Охотников много. Но есть ситуация, в которой душа и без их вмешательства лишается возможности попасть в Улей... Когда её возвращают с полпути. Когда не выполняется ЕГО предназначение.

Я начал догадываться:

– То есть, ты хочешь сказать, что когда мы реанимируем кого-нибудь...

– ...Вы делаете ещё одну душу лёгкой добычей Охотников. – закончил за меня Хруль.

Я испытал шок. До сего времени я искренне считал, что, вытаскивая с того света временно собравшихся туда, я делал благое и нужное человечеству дело... И ведь, положив руку на сердце, мне нравилась моя работа. Несмотря на все тяготы и лишения, преследующие прежде советских, а ныне российских врачей... даже несмотря на хронический недосып. И вот, в какие-то несколько минут ушастое нечеловеческое существо разом перечёркивает все мои идеалы, заставив усомниться в целесообразности моей профессии и... тут меня настигло ещё одно откровение:

– Постой, но я же сам... двадцать две минуты был там. И меня вернули. Это что же, и мне теперь дороги в Улей нет?!

Хруль грустно смотрел на меня. Уши его поникли:

– Увы. Я же говорил... прости, что пришлось тебе это сообщить.

Я невольно взглянул на монитор: в крови плескалось столько адреналина, что не худо было бы иметь под рукой заряженный дефибриллятор. Итак, подведём итоги: в результате слаженных и профессиональных действий моих коллег я стал готовым продуктом для тёмных сил... кушать подано, господа, ещё одну душу поднесли вам на блюдечке бравые реаниматоры, не ведающие, что творят... впрочем, что это я так быстро принял точку зрения этого ушастого? Посмотрим на ситуацию с точки зрения человека: ещё одна жизнь спасена. И, без ложной скромности следует заметить, весьма ценная жизнь. Я не считал себя атеистом, но в глубины веры не вдавался, в церкви бывал редко и, чего уж там греха таить, посты не соблюдал, и в церковных праздниках не особо-то разбирался. Да и повествование Хранителя, насколько я понимаю, не слишком-то соответствует основным постулатам христианства.. Но факты, как известно, отличаются упрямством. Сейчас очевидный, хоть и невероятный факт сидел на моей кровати, шевелил развесистыми ушами и болтал в воздухе босыми пятками...

Ход моих нестройных мыслей прервал стук распахнувшейся двери. В палату ввалился Петрович, как всегда, что-то жуя:

– Палыч, оклемался? Слава Богу, я уж думал, не вытащим тебя. Представь картинку: я, такой красивый, сижу с Кларкой в палате, справа одно тело, красивое, женское, но, увы, бездыханное, слева второе тело... так себе, мужское и тоже не дышит. И, что характерно, второе тело должно было бы вместе со мной вдыхать жизнь в тело первое... а вместо этого нагло отдыхает без сознания пульса и давления... совесть у тебя есть, Палыч? Спасибо Симакину, не растерялся, принял за тебя, а свою сестричку послал Витаминача на помощь звать. Короче, завели сначала дамочку, а потом уж и тебя...

– Вика...

– Да тут она, через стеночку... можете перестукиваться, ежели азбуку Морзе знаете. Только вот, в отличие от тебя, перспектив у неё никаких...

– Знаю. Кардиопатия, декомпенсация.

Петрович внимательно посмотрел на меня:

– Знакомая?

– Да... давняя. Несостоявшаяся супруга, – добавил я в припадке откровенности.

Петрович присвистнул и широкой кормой уселся в ноги моей кровати. Прямо на Хруля... Я икнул.

Тыл Петровича прошёл сквозь полтергейста, не встретив препятствий, и опустился на постель, продавив её почти до пола, в результате чего моё многострадально тело немедленно подскочило вверх. Хруль совершенно невозмутимо обтёк Петровича, соскочил с кровати и вскарабкался на тумбочку:

– Не волнуйся, тебе вредно. Кроме тебя, меня никто не видит и не слышит.

– А я и не волнуюсь, – машинально ответил я и испуганно умолк.

Петрович удивлённо уставился на меня:

– Оно и правильно... пустяки, дело житейское. Ну, помер чуть-чуть, с кем не бывает! Ты, главное, мне скажи: какого... ты пальцы под электроды совал? Я ж тебя насовсем убить мог!

– Прости, Петрович, задумался... не среагировал вовремя. Старею, наверно.

– Да уж куда дальше-то, – хмыкнул коллега, – и так уж песок сыпется... каких-то поганеньких трёх киловольт не выдержал. Теряешь навык. Поучился бы, что ли у покойного грека. Сколько раз мы его током-то? А ему хоть бы хны... до сегодняшнего утра.

Ещё одна плохая новость. Не многовато ли для одного дня?

– Антонида умер?

– Да, отмучился старик. В аккурат, с час назад. Перед тем, как уходить начал, всё просил тебя позвать... про жезл какой-то говорил. Тебе, дескать, его нужно найти. Это всё в ту же тему?

Я рассеянно кивнул. Петрович выудил из кармана неизменное яблоко и положил его сквозь притихшего Хруля на тумбочку. Я скосил глаза в ту сторону: яблоко оказалось где-то в области интимного места полтергейста... или у них нет интимных мест?

– Держи, Палыч, грызи витамины и поправляйся. Ты нам нужен. Живым и неподжаренным, желательно, – хохотнул Петрович и покинул палату.

Раздалось громкое чавканье. Хруль нагло объедал больного, с аппетитом поглощая дар Петровича. Ни стыда, ни совести у этих полтергейстов!

– Хруль, ты же здесь не для того, чтобы сообщить мне печальную весть о моём невозвращении в Улей? – включил я дедукцию.

Ушастик что-то промычал набитым ртом и судорожно сглотнул. Я терпеливо ждал.

– Верно, не для того, – Хранитель, наконец, покончил с яблоком. – Есть способ вернуть всё на круги своя.

– И как же?

– Видишь ли, за всю историю человечества существовали всего три вещи, способные прекратить отток душ из Ульев. Три мощных артефакта, созданных теми, кого ОН наделил своей силой. Первый из них, точнее, первая – легендарная Панацея, средство от всех человеческих недугов. Владеющий этим средством мог не только исцелять любые болезни... согласно упорным мифам, он мог и оживлять умерших. Беда в том, что никто не знает, существовала ли Панацея в действительности, или это всего лишь красивая легенда... – Хруль умолк, задумавшись.

Я нетерпеливо спросил:

– А оставшиеся два? Это что?

– Второй артефакт широко известен. Это Святой Грааль, в тщетных поисках которого состарилось не одно поколение крестоносцев. В отличие от Панацеи, Грааль действительно существовал... или существует. Но след его был окончательно утрачен ещё в средние века по вашему летоисчислению.

– А третий? – поинтересовался я, уже догадываясь, каким будет ответ.

А третий – жезл Асклепия. До последнего времени считалось, что его не существует... что это – всего лишь атрибут легендарного бога медицины. Но тут появился Димас Антонида, на пороге смерти открывший тебе тайну. Он не лгал, Павел. Глядя в глаза смерти, не лгут. Жезл действительно существует и он там, где указал грек. И тебе придётся отправиться за ним.

Иначе – конец всему. Других вариантов вновь наполнить Ульи просто нет – в голосе Хранителя прорезались металлические нотки.

– Но как этот жезл может прекратить утечку душ? – недоумевал я.

– Ты не понимаешь. Возвращение в ваш мир столь мощного артефакта, как жезл Асклепия, сдвинет баланс сил в ЕГО пользу. Это очень сложно объяснить... как всё работает. Просто поверь мне: если ты найдёшь и вынесешь жезл из Лабиринта, всё изменится. Не станет больше Хозяев. Души Охотников вернутся в Ульи. Все души, захваченные прежде ДРУГИМ, смогут вернуться... и твоя душа, Павел, тоже. – Хруль пристально взглянул на меня: – И ещё... ты сможешь исцелить Вику.

Последний аргумент, пожалуй, оказался самым действенным. Если абстрактное спасение мира казалось мне чем-то вроде плохой пародии на голливудские боевики, то мысль о возможности спасти Вику захватила меня полностью. Да и о своей бессмертной душе надо бы позаботиться. Я понял, что на Крит лететь придётся.

– Но учти, Павел, на тебя очень скоро начнётся настоящая охота.

– Но помни, ровно в полночь твоя репа превратится в тыкву! – пробормотал я и поинтересовался:

– Хозяева?

Хруль тяжело вздохнул и взмахнул ушами:

– Хозяева страшны только ночью. От рассвета и до заката они не появляются. И ещё: они никогда не сунутся домой к жертве. В том числе и во временное её жилище. Это касается и гостиниц, общежитий... даже палатка надёжно защитит тебя от них. Но не от людей. Охотники не связаны никакими запретами. Это просто люди. Люди с украденными душами. Которые способны на всё. Более всего опасайся их, потому что они повсюду.

– Как их узнать?

Хруль пожал плечами:

– Никак. Хотя, наверное, если среди бела дня за тобой увяжется тип с дубиной и недобрым взглядом, то, скорее всего, это один из них. Даже я не могу их распознать. Могу иногда лишь почувствовать их присутствие... но точно определить, кто именно бяка – не могу.

– А эти... Хозяева? Они как выглядят?

Хруль поёжился:

– Ты сам поймёшь, когда увидишь. Это сложно объяснить словами. Они – не из вашего мира... и ваши слова тут не подойдут.

Глава 7

18 июля, 10—35, Нероград, четыре километра к северу.

Клара вошла в свой подъезд и нажала кнопку вызова лифта. Прошедшее дежурство выдалось на редкость скверным. Сначала бесконечные реанимации умирающего Антонида, потом — этот дурацкий случай в кардиологии... надо же, Пал Палыча чуть не убили! Конечно, сам виноват: нечего было пальцы под электроды совать... задумался, что ли? Он с самого начала, как только прибежали на место, был слегка не в себе. Раньше за ним такого не замечалось. Хорошо, хоть всё обошлось...

В подъезд вошёл высокий, хорошо одетый мужчина, лицо которого показалось Кларе смутно знакомым. Где-то она видела его совсем недавно... вот только где? Мужчина встал рядом с Кларой и в ожидании лифта уставился на мигающие цифры этажей. Двери раскрылись. Незнакомец пропустил Клару вперед и, войдя следом, поинтересовался:

– Вам на какой?

– Седьмой.

Невольный спутник улыбнулся и ткнул пальцем в нужную кнопку. Старенький лифт, недовольно кряхтя, вознёсся на седьмой этаж. Клара достала из сумочки ключи и шагнула в открывшийся проём. Мужчина тоже вышел из лифта, роясь и звеня чем-то в объёмистом портфеле. Девушка подошла к своей двери и привычным движением открыла замок...

– Карл у Клары украл кораллы! —внезапно прозвучало у неё над самым ухом.

Клара вздрогнула и обернулась. Давешний незнакомец, опять улыбаясь, протягивал ей что-то белое. Она не успела сообразить, что именно, поскольку это «что-то» вдруг ткнулось ей в нос и рот, источая удушливую волну едкого, очень знакомого запаха. Вторая рука улыбочивого мужчины оказалась у неё на затылке, вдавливая лицо во влажную холодную массу. Запах стал совершенно невыносимым. Клара попыталась освободиться, но руки и ноги перестали повиноваться ей. Уходящим сознанием успела отметить, что её затаскивают в собственную квартиру. А потом стало темно...

Сильно болели запястья. И голова... голова просто раскалывалась. Во рту поселился мерзкий привкус, делающий Кларино положение совершенно нетерпимым. Она открыла глаза. Над ней оказался хорошо знакомый, изученный до мелочей, потолок её спальни. Потолок был слегка размыт и покачивался. Клара не успела удивиться этой неправильности, как появилась другая: жутко болящие руки были неудобно заведены за голову и отказывались двигаться. Им явно что-то мешало. Девушка запрокинула голову и с недоумением обнаружила собственные запястья, прикованными наручниками к изголовью кровати. Кисти побелели и жили отдельно... по крайней мере, по ощущениям.

– А, изволили проснуться, Кларочка?

Голос, раздавшийся справа, принадлежал, разумеется, незнакомцу из лифта. Клара скосила глаза. Незванный гость старательно и неторопливо раскладывал на прикроватной тумбочке странные и малосочетающиеся друг с другом вещи. Тут были несколько ножей разной длины и формы, среди которых медсестра узнала большой ампутационный нож, так полюбившийся великому Пирогову во время Крымской войны. Кроме клинков присутствовали: парочка молотков (обычный и деревянный), паяльник, огромный огурец, зачем-то обёрнутый наждачной бумагой, несколько стальных крючков непонятного назначения, зонд для промывания желудка, роторасширитель и огромная жестяная воронка с ручкой. Самой неприятной казалась именно воронка: старая, тронутая ржавчиной, помятая жестянка гадко контрасти-

рвала с блеском лежащих рядом хирургических инструментов. Над всем этим возвышался любимый Кларин электрический чайник. Он кипел.

– Подозреваю, что вы хотите задать мне массу терзающих вас вопросов? — Незнакомец склонился над девушкой, разглядывая её, как коллекционер-энтомолог разглядывает пойманное диковинное насекомое, прежде чем насадить его на булавку. Клара внезапно поняла, что лежит совершенно обнажённой и, краснея, попыталась прикрыться. Разумеется, ничего не вышло. Гость уловил её движение и широко улыбнулся:

– Право, вам не стоит стыдиться своего тела. Оно великолепно. Пожалуй, прежде чем приступить к основной части сегодняшнего мероприятия, я парочку раз использую его, так сказать, по прямому назначению. Иначе игра моих низменных инстинктов в дальнейшем будет отвлекать меня от весьма важного занятия.

– Какого? — с ужасом спросила Клара. Вернее, подумала, что спросила, потому что вместо слов у неё получилось лишь невнятное мычание. Рот её оказался заклеен куском клейкой ленты. Однако незнакомец вопрос понял:

– Какого, спрашиваете вы? Получения информации, разумеется. Ибо все эти предметы, столь живописно разложенные тут и на которые с таким ужасом глядят ваши очаровательные глазки, предназначены лишь для максимально болезненного извлечения информации. — Незнакомец задумался на мгновение и уточнил: — Помимо их прямого назначения, разумеется!

Клару затрясло. Она осознала, что находится в полной власти этого человека. Страх прошёлся холодными липкими щупальцами по её обнажённому телу и сдавил грудь так, что девушка застонала.

– Рано, рано, голубушка! — Гость укоризненно погрозил ей пальцем, — Стонать вы будете чуть позже! Сначала, надеюсь от удовольствия, а потом — от боли... от жуткой боли, Кларочка, от невыносимой, нечеловеческой боли! Рассказать вам, каким образом я распорядюсь всеми этими милыми предметами после того, как, пардон, трахну вас во все отверстия? — Незнакомец всё так же откровенно разглядывал Клару, продолжая улыбаться. Самым жутким было именно несоответствие между милой улыбкой и гадкими словами, которые так ласково произносили эти улыбающиеся губы.

Девушка замычала и затрясла головой. Страшный гость удивился:

– Нет? Не рассказывать? Вы столь нелюбознательны? Не верю! Уж позвольте, я всё-таки объясню вам, — он взял в руки желудочный зонд и жуткую воронку, — Этот мерзкого вида шланг я протолкну через пищевод в ваш желудок... полагаю, уже эта процедура будет весьма неприятна. К наружному отверстию шланга я подсоединю вот эту посудину. А в неё очень медленно и аккуратно буду вливать кипяток из любезно предоставленного вами чайника. Поверьте, голубушка, ощущения, которые вы испытаете, заставят вас пожалеть о том, что вы не королевский пингвин, живущий где-нибудь в Антарктиде.

Клара замычала и забилась в кровати. А истязатель тем временем продолжал:

– Или вот это, — он взял в руки загадочный огурец в наждачной бумаге, — Надо ли мне уточнять, куда именно я засуну вам этот предмет? После того, как извлеку оттуда паяльник, — хохотнул мучитель.

Клара зажмурилась. Из глаз её текли слёзы. Незнакомец с размаху ударил её по щеке:

– Глаза открыть!

Девушка немедленно послушалась. Из-за слёз лицо её кошмарного гостя было размытым, чётко виднелись лишь по-прежнему улыбающиеся губы. Они сказали:

– Сейчас я сниму скотч. Вы начнёте отвечать на мои вопросы. Если закричите или хотя бы попытаетесь — пеняйте на себя. Я начну с огурца. Всё понятно?

Клара кивнула и тут же вскрикнула от боли: гость рывком содрал скотч с её губ. Тут же последовала новая пощёчина:

– Я же сказал, не орать!

– Я случайно! – прошептала девушка непослушными губами. —Кто вы? Что вам нужно?
Незнакомец скривился:

– Фу, не хотел, но приходится говорить банальности. Вопросы здесь задаю я. Это ясно?
Клара испуганно кивнула.

– Вот и славно. Впрочем, если угодно, можете называть меня Охотником. Итак, приступим. Вчера у вас в отделении умер один старый грек, так?

– Да... Антонида. —недоумённо ответила медсестра.

– Перед смертью он разговаривал с кем-нибудь из персонала?

– С Пал Палычем... Светиным.

– Что именно грек рассказал Светину? В подробностях. —Мужчина прищурился и наклонился почти вплотную к Кларину лицу. Пахло от него приятно и это странным образом испугало девушку ещё больше. Она затряслась и быстро-быстро заговорила, глотая слова:

– Не помню точно... я не... я не всё слышала... они далеко от меня были... что-то там про Крит, про пещеру какую-то... Минотавр, жезл... амфора, ещё ключи дал, про печать говорил что-то...

– Спокойнее, спокойнее, девочка моя! —Незнакомец положил руку на её бедро, – По порядку. Про карту говорил что-нибудь?

Клара вспомнила:

– Говорил... Карта в амфоре.

Рука гостя переместилась чуть выше:

– А где амфора?

– В доме... в доме под скалой в форме головы... Там, на Крите.

– Где именно на Крите? – Горячая чужая ладонь, усилив нажим, продвинулась ещё выше. Клара попыталась сжать бёдра, но по нехорошо изменившемуся лицу незнакомца поняла, что делать это ни в коем случае не следует.

– Грек называл деревню... очень странное название... как женское имя. Аглая... Ангия... Агния, кажется... и как-то ещё. Второе слово было в названии... не помню я! — Девушка заплакала.

– А придётся вспомнить, Кларочка! Придётся! – ласково приговаривал мучитель, уже теребя пальцами волоски между её бёдрами. Станным образом девушке было щекотно, противно и приятно одновременно. Она закрыла глаза. И тут пришло озарение:

– Вспомнила! Агия Пелагия, он так называл эту деревню! Точно, Агия Пелагия!

– Вот и молодец, вот и умница! – Настойчивые пальцы, поиграв с волосами, двинулись дальше. Клара закусил губу, ощутив внутри себя чужое присутствие. Она не могла понять, что с ней происходит: невозможно, невероятно, но она возбудилась и уже сама ритмично двигала бёдрами в неосознанном стремлении насадиться глубже на терзающую её руку. А Охотник тем временем продолжал допрос:

– Где именно в доме под скалой находится тайник с картой? Как найти этот дом? Дополнительные его приметы? Зачем нужна печать? Что за ключи дал грек Светину? – каждый свой вопрос он сопровождал грубым толчком руки. Клара, извиваясь в постели в такт движениям вторгшихся в неё пальцев, задыхалась от нарастающего блаженства пополам с острой болью. Не в силах сдерживаться более, она громко застонала. Стон тут же прервался: свободной рукой мучитель зажал ей рот и нос, полностью перекрыв доступ воздуха и прошипев в самое ухо:

– Я предупреждал! – и с новой силой всадил руку внутрь неё. От резкой боли Клара забилась, но вслед за болью накатил волна такого наслаждения, что сознание её помутилось. Она хотела кричать от блаженства и боли, но крик натолкнулся на сильную руку, зажимающую ей рот. Клара почувствовала удушье, но вместе с желанием сделать вдох нарастало и её возбуждение. От нехватки воздуха она забилась ещё быстрее, теперь уже навязывая свой ритм бесцеремонной чужой руке. Воздух заканчивался слишком быстро и помутневшим сознанием

она успела глупо испугаться, что задохнётся раньше, чем достигнет пика наслаждения. И тут внутри неё всё взорвалось: горячая волна от лона молниеносно пронеслась по всему телу, судорожно сотрясая его и, достигнув головы, разом смела остатки сознания. Тело девушки изогнулось в последней конвульсии и безжизненно распласталось в постели.

Охотник отнял от Клары руки и на секунду задумался. Потом, пробурчав недовольно: – Ну, уж нет, рано, до ночи времени ещё много! – принялся сосредоточенно хлестать её по щекам. Девушка, не приходя в сознание, тихо застонала.

– Жива, стало быть! – удовлетворённо констатировал насильник. Он порылся своим портфелем, достал оттуда пузырёк тёмного стекла и, отвинтив колпачок, сунул под нос своей жертве. Едкий аммиачный запах заставил Клару поморщиться и открыть глаза.

– С возвращением, душечка! – нежно улыбнулся ей страшный гость.

18 июля, 11—40, отделение реанимации.

Хруль только что исчез. Просто взял и растворился в воздухе, как и положено добропорядочному призраку. Впрочем, по его же словам, призраком он не является. Ну и ладно, пусть будет просто Хруль... неклассифицируемый. У меня на языке вертелся миллион незадаанных вопросов, когда этот ушастый Хранитель вдруг сослался на какие-то свои неотложные дела и испарился. Правда, пообещал вскорости вернуться. Подозреваю, что он просто решил дать мне время и возможность переварить полученную информацию. Редкое чувство такта...

Я спустил ноги с кровати и отстыковался от капельницы с монитором. Хватит валяться, я вполне прилично себя чувствую... если не считать лёгкого головокружения и боли в местах ожогов от электродов. Нет, прав всё-таки был один мой приятель, невольно ставший однажды свидетелем нашей работы. Уж не помню, по какой надобности я привёл его тогда в наше отделение... то ли кардиограмму записать, то ли прокапать что-то... Неважно. Но в то время, когда он лежал себе смиреннько на коечке в ожидании обещанной процедуры, в той же палате кто-то из наших пациентов надумал самовольно отправиться в страну вечной охоты. И тут началось... ничего особенного, обычный процесс сердечно-лёгочной реанимации при клинической смерти. А приятель мой, забившись в угол своей койки, всё это наблюдал. Да, забыл сказать, к медицине он никакого касательства не имеет. Чем тогда всё закончилось для безвременно почившего, уж и не помню. Но в суете мы совершенно забыли о моём госте. Вспомнили только тогда, когда он робко вошёл в прокуренную ординаторскую, где мы бурно обсуждали результаты последнего футбольного матча. Дружок мой скромненько так, по стеночке просочился внутрь, уселся рядом и в полном молчании выкурил пять сигарет подряд. А потом официально заявил:

– Мужики, вот ей-ей... зуб даю: домой вернусь, сделаю во всю грудь наколку: «Не реанимировать!».

И вот теперь, потирая обожжённую электричеством грудь и кашляя ободранной трубкой горлом, я думал о том, что в словах его, наверное, была своя сермяжная правда...

Я завернулся в казённую простынку аки свободный гражданин древнего Рима. Добрые коллеги куда-то уволокли мои одежды, оставив лежать в чём мать родила. Надеюсь, Кларочка меня не видела в костюме Адама? Или наоборот, надеюсь, что видела? Терзаемый собственным дуализмом, я осторожно выглянул в коридор. Там было пусто. Стараясь перемещаться, как можно тише, я двинулся в сторону ординаторской, небезосновательно рассчитывая найти там какую-либо одежонку. Процесс осложнялся тем, что тапки мне подсунули размеров на пять больше требуемого. После нескольких безуспешных попыток идти в них так, как это обычно делают прямоходящие, я понял, что требуется иной подход. Представим, что вокруг – зима, а на ногах моих – лыжи. Так, левая пошла. Теперь правая. Отлично, снова левая. Опять правая. Получается! Походкой Раисы Сметаниной я продолжил путь к вождельной цели. До заветной двери оставалось совсем немного, как вдруг...

Со страшным грохотом из третьей палаты навстречу мне вышло нечто. Поначалу я воспринял ЭТО, как скверную пародию на меня. Существо было так же элегантно задрапировано в простынку с чёрными штампами нашего отделения. Более того, оно передвигалось такой же изящной походкой олимпийского чемпиона по лыжному спорту... но при этом издавало жуткий металлический лязг, словно танковый полк на марше. И в довершение апокалипсической картины, из-под ног монстра при каждом шаге сыпались снопы искр. В благоговейном ужасе я замер. Существо с грохотом приблизилось ко мне и прошамкало:

– Сынок, где тут у вас уборная?

Я отвесил челюсть и машинально показал нужное направление. Нечто благодарно кивнуло и поступью Железного Дровосека споро двинулось в сортир.

– Ветрова, куда пошла?! —раздался знакомый рёв из покинутой монстром палаты и оттуда вылетел Петрович. Он был в гневе. В полтора прыжка преодолев расстояние до существа, он отважно схватил его в охапку и поволок обратно. Пленённый гуманоид засучил ножками в воздухе и на мраморный пол, высекая искры, рухнули два больших железных тапка (по крайней мере, мне они таковыми показались). Нагнувшись над одним из них, я с удивлением признал в предмете банальное больничное судно (не путать с судном, которое корабль: больничное судно по морям и рекам не плавает, оно выполняет куда более важную задачу – заменяет лежачим больным унитаз, принимая в себя их естественные отправления...) Я с интересом прислушался к диалогу Петровича и разутого пришельца:

– Бабуля, я же говорил: нельзя вставать. И ходить нельзя! —это Петрович.

– Сынок, я ж тебя спрашивала, как же мне по нужде-то ходить! Ты мне сам сказал, мол, ходи, бабка, в судно. Ну дык, я, стало быть, одела его, да и пошла. Только уж не обессудь, милоч, в одном судне страсть как неудобно было иттить, так я у соседки второе взяла!

Петрович взвыл:

– В суднО, я говорил, в суднО, а не в суднЕ!

Со стороны ординаторской раздалось дружное ржание. На шум в предвкушении дармового зрелища, выползли скучающие коллеги. Пользуясь общей суматохой, я по стеночке проскользнул внутрь. Свою одежду нашёл почти сразу и, наконец-то, привёл себя в достойный вид.

Надо бы, всё-таки, поговорить с Викой. Два месяца прошло с того памятного вечера, когда я внезапно обнаружил её в нашем отделении. И два месяца я трусливо избегал встречи с ней. Ни тогда, когда она лежала у нас, ни позже, когда её перевели в кардиологию, ни уж тем более, когда она выписалась, я не нашёл в себе сил и смелости подойти и поговорить... Мужа её видел один раз, мельком, когда он приходил её навестить, а вот её саму – не сложилось. Да, может быть, оно и к лучшему...

Но вот теперь, пожалуй, время настало. Я решительно направился к Викиной палате.

Она спала. Но от той безмятежности, с которой она дремала тогда, в первый свой визит к нам, ничего не осталось. Сейчас Вика полусидела в кровати, подпёртая несколькими подушками; дыхание её было хриплым и частым. Посиневшие губы жадно хватали кислород, непрерывно поступающий в прозрачную маску на её лице. Некогда мягкие черты заострились так, словно за эти два месяца она прожила лет тридцать.

Мало что напоминало в лежащей передо мной умирающей женщине ту, по которой я сходил с ума пятнадцать лет назад... и всё-таки, я не мог оторвать от неё глаз. Взяв Вику за руку, я попытался найти пульс. Он был неровным и слабым, а сама рука – совершенно ледяной. Сколько же ещё? Месяц? Вряд ли больше. Значит, у меня есть тридцать дней, чтобы спасти мир. И Вику. Я невольно усмехнулся: герой собрался в поход. Голливуд отдыхает.

– Спаси меня, Пашка! —Голос Вики прошелестел так тихо, что поначалу я подумал, что мне показалось. Но нет: она открыла глаза и с мольбой смотрела на меня:

– Ты можешь... меня спасти? – было видно, с каким трудом давалось ей каждое слово.

– Я постараюсь, Викуша. Я очень постараюсь! Ты только держись, ладно?

Она вцепилась ледяными пальчиками в мою руку и улыбнулась:

– Так? Я не могу крепче, силёнок... не хватает.

– Ничего. И так хорошо. Мы справимся. Мы с тобой обязательно справимся... – к горлу подкатил ком. Я с трудом проглотил его и попытался улыбнуться. Вышло кривовато, но Вика уже не видела. Она закрыла глаза и, проваливаясь в полусон-полузабытьё, прошептала:

– Я знаю... я держусь...

Из палаты я почти выбежал. Если до этого у меня и оставались какие-либо сомнения по поводу необходимости похода за железом, то теперь они полностью исчезли. Но с чего начать? Наверное, с визита в осиротевшую квартиру Антонида. А дальше – по обстоятельствам. Куда же я засунул ключи?

18 июля, 22—20, Нероград, четыре километра к северу.

Клара уже практически ничего не ощущала. Ритмично двигающееся на ней тяжёлое мужское тело не доставляло теперь ровным счётом никаких неудобств. Несколько часов постоянной боли и унижений сделали девушку равнодушной ко всему. После очередного, пятого или шестого по счёту изнасилования, её охватило странное оцепенение, разом отключившее все чувства. Только слух в состоянии был пока отрешённо воспринимать звуки внешнего мира.

Насильник, кажется, насытился. Вздрогнув в экстазе напоследок, он одним движением соскочил с Клары и, напевая под нос что-то весёлое, отправился в душ. Там он долго гремел её многочисленными флакончиками с шампунями и прочими туалетными принадлежностями, периодически комментируя вслух очередную находку:

– Надо же... «Жилет» – лучше для девчонок нет! А халатик-то явно мужской... и по размеру подходит. Для милого дружка держим-с, разлюбезная Клара Артуровна? – он высунул голову из ванной: – Есть дружок-то, Кларочка? Что молчим? Неужто притомились? Ин ладно, отдыхайте, сил набирайтесь. Они вам скоро ох, как понадобятся!

Клара тупо смотрела в потолок. Где-то на задворках дремлющего сознания шевельнулась невесть как зародившаяся мысль: «Я же всё ему рассказала... всё! Что ещё ему нужно? Что ещё он хочет со мной сделать?»

Её мучитель, приняв душ, вернулся в спальню и принялся одеваться. Он достал мобильник и набрал номер:

– Это я. Жду вас у неё через двадцать минут, – и отключился. Задумчиво посмотрел на лежащее перед ним истерзанное и почти безжизненное тело. Покачал головой:

– Батюшки, Клара Артуровна, ну что за вид? Не пристало вам в таком неглиже являться пред очи вашего будущего хозяина. Одеваться, одеваться и немедленно! Карета уже в пути! — с этими словами он освободил Кларины запястья от наручников и заботливо уложил её руки вдоль тела.

Девушка почувствовала, как в онемевшие кисти начала поступать кровь. Поначалу затёкшие руки просто покалывало, затем они стали наливаясь теплом. Это было приятно, но недолго: через несколько секунд покалывание превратилось в сильнейшую боль, а ласковое тепло – в адское пламя, в котором, казалось, руки сгорали заживо. Клара застонала и принялась разминать пламенеющие кисти. Охотник скептически наблюдал за ней, покачивая головой:

– Однако! Вы, оказывается, всё же способны шевелиться? Последние пару часов вы, голубушка, лежали поленом, уж простите за банальность. – он швырнул на постель одежду: – Извольте прибраться. И поскорее, до вашей встречи с Хозяином осталось чуть больше часа, а нам ещё надо добраться до места.

Клара механически начала одеваться, постепенно собираясь с мыслями и приходя в себя. Всё тело, казалось, превратилось в одну большую рану. Болело всё. Малейшее движение стоило ей гигантских усилий. Даже мысли, и те приносили страдания. Куда он собирается её везти?

Какой хозяин? Каким ещё кошмаром обернутся последующие часы? Бежать? Но как? Девушка украдкой стала осматриваться.

– Должен вас предупредить, душечка, – Насильник, казалось, прочёл её мысли, – Любая попытка бегства будет мною пресечена немедленно! Крайне жестоко и болезненно. Я это умею, в чём вы имели возможность убедиться. – он сдавил жёсткими пальцами её щёки, заставив поднять голову, и заглянул ей в глаза, – Убедились, я спрашиваю?

Девушка содрогнулась. В его глазах плескалось столько откровенной злобы, что с избытком хватило бы на десяток-другой самых закоренелых убийц... а губы опять улыбались. «Да он сумасшедший!» – вдруг осенило её. «Просто безумец... наверное, маньяк». Страх опять парализовал её волю. Она часто закивала, соглашаясь с ним, и принялась лихорадочно одеваться.

В дверь позвонили. Незнакомец посмотрел на часы и удовлетворённо кивнул. Окинув взглядом уже одетую Клару, он схватил её за руки и вновь приковал к кровати. Бросил небрежно:

– Сидеть тихо! – и пошёл открывать.

Вернулся он в сопровождении двух крепких парней в форме «Скорой помощи». Парни притащили с собой брезентовые носилки и принялись деловито раскладывать их на полу. Именно эта спокойная деловитость вселила в Клару животный ужас. Она изо всех сил закричала:

– Нет! Помогите! Не поеду! Не... – Крик её прервал один из новоприбывших, навалившись на неё и зажимая рот рукой.

– Ну вот, а я уж думал, вы взялись за ум и будете паинькой! – огорчённо сказал Кларин кошмар, роясь в своём портфеле. Он достал марлевую салфетку и полил её жидкостью из тёмного флакона. В комнате запахло больницей. Мужчина неспешно подошёл к постели и взглянул на паренька, зажимающего рот девушке. Тот кивнул и быстро убрал руку. Но воспользоваться моментом Клара не успела: к её лицу прижалась влажная салфетка с дурманящим запахом. И снова – холодный мрак...

19 июля, 00—15, место неизвестно.

Ритмично капала вода. Звук раздражал и вызывал желание немедленно встать и закрыть кран. Но сначала надо бы открыть глаза... что Клара и сделала.

Место, где она проснулась, было не из приятных. Отсутствие окон и сырой холод навели на мысль о том, что это подвал. Стены из тёмного выщербленного кирпича плавно переходили в низкий сводчатый потолок, выложенный всё той же древней кладкой. Из потолка торчали ржавые крючья непонятого назначения. В целом, интерьер напоминал классическую пытошную времён Малюты Скуратова.

Клара рывком села и огляделась. Так, руки и ноги у неё свободны, рот тоже. Да только вот толку от этого – ноль. Судя по всему, сквозь эти вековые стены наружу не вырвется ни единого звука, так что кричать бесполезно. Бежать? Окон нет. Должна быть дверь, но где она?

Девушка попыталась встать на ноги. Её шатало, но, худо-бедно, перемещаться она могла. Держась за стену, Клара отправилась на поиски двери. Мрачное помещение, похоже, было тупиком какого-то коридора: стены плавно загибались налево, делая поворот. Дверь, видимо, находилась где-то там. Девушка робко двигалась вперёд на подгибающихся ногах.

«Холодно, Господи, холодно-то как!» – зубы её застучали. По коже забегали противные мурашки. Холод усиливался и Клара, забыв о том, что на дворе стоит жаркий июль, ошибочно решила, что там, куда она направляется, есть выход на улицу, откуда и веет ледяным сквознячком.

За поворотом и в самом деле открылся длинный прямой коридор всё с тем же низким сводчатым потолком. Коридор слабо освещался редкими и тусклыми лампами. Клара двинулась вперёд, по-прежнему боясь оторвать руку от осклизлой стены.

Спереди донёлся странный звук: будто несколько человек в нетерпении постукивали ногтями пальцев по столу. Звук отчего-то был Кларе неприятен и быстро нарастал. К множественному цоканью добавилось ещё и шуршание с попискиванием. Что-то приближалось.

Девушка остановилась и всмотрелась в конец коридора, пропадающий в полумраке. Ничего не видно. А звук становился всё громче, общий фон уже можно было расчленить на составляющие его, отличные по частоте и силе. Клара напряжённо вглядывалась в темноту. Показалось ей, или в самом деле во мраке определилось какое-то движение? Девушка сделала несколько несмелых шагов вперёд, присматриваясь...

Навстречу ей по полу потекла, заструилась темнота. Клара невольно вскрикнула: тёмная волна стремительно накатывала на неё, грозя захлестнуть ноги. Испуганная девушка попятилась и тут, наконец, поняла, что перед ней.

Крысы. Сотни, а может быть и тысячи крыс целеустремлённо мчались к ней, цокая коготками и шурша хвостами по каменному полу. Клара в ужасе развернулась и бросилась бежать, забыв о том, что там, откуда она пришла, тупик. Но, пробежав два или три шага, девушка поскользнулась на сыром камне и с размаху больно упала на пол.

Тут же её накрыла серая визжащая волна. Клара закричала, почувствовав на своих ногах, спине, затылке топот и царапанье сотен маленьких когтистых лапок. Мерзкие животные были повсюду: они залезли за ворот, под юбку; ворочались, запутавшись в волосах, тыкались мордами в уши, нос. Клара прекратила кричать, испугавшись, что крысы проникнут в рот. Теперь она просто лежала молча, плотно сжимая губы, трясясь от ужаса и омерзения; а по ней волна за волной проходила нескончаемая серая армия.

Стоп! Именно «проходила»! Крысинный поток просто перетекал лежащую на его пути Клару и, не задерживаясь, двигался дальше. Девушка облегчённо вздохнула. Стало быть, они не нападают на неё! Они просто бегут куда-то, к какой-то своей цели... или откуда-то? Невольно вспомнилось банальное: «крысы бегут с корабля». Наверное, всё-таки, они спасаются от чего-то. Но от чего? Что могло обратить в бегство всю эту крысиную армаду?

Последние животные бодро протопали по Клариной спине и скрылись за поворотом. Девушка выждала ещё немного и опасливо приподняла голову. Крысы исчезли. В коридоре стояла полная тишина. Даже звук капающей воды, ставший уже привычным здесь фоном, исчез. Клара поднялась и продолжила свой путь туда, откуда бежали крысы.

В конце коридора и в самом деле обнаружилась дверь. Тяжёлая, окованная старым железом, с толстым кольцом вместо современной ручки, эта дверь могла бы стать непреодолимым препятствием на пути Клары. Если бы была закрыта... Но нет, створка была распахнута и из тёмного проёма ощутимо тянуло холодом. Выход?

Отбросив сомнения, девушка шагнула за дверь. И чуть не споткнулась о ступеньку узенькой винтовой лестницы, уходящей куда-то вверх. Клара, осторожно нащупывая ногами ступени, начала подъём. С каждым шагом становилось всё холоднее. Несмотря на то, что дорога шла вверх, у Клары не было ощущения того, что она направляется к выходу из этого мрачного подземелья. Скорее наоборот, чем ближе становилась верхняя лестничная площадка, тем больше Кларе казалось, что впереди её ждёт западня. И ужас, в сравнении с которым всё, перенесенное ею за последние часы, покажется лишь невинной детской забавой.

Но выбора не было: позади был тупик. И девушка продолжала идти вперёд, пытаясь вспомнить, что же говорил её мучитель о том, что ждёт её здесь. Встреча с хозяином. Хозяином кого? Или чего? Кто он, этот хозяин? Скорее всего, такой же маньяк, как и её непрошенный гость, только во много раз злобнее...

Клара остановилась перед второй дверью, точной копией предыдущей. Как и первая, эта тоже была открыта. Девушка шагнула вперёд и очутилась в небольшой комнате, похожей на ту, в которой она очнулась. Единственным отличием было висящее на стене огромное, в полтора

человеческих роста, зеркало. Оно было обрамлено массивной затейливой рамой, по виду бронзовой и старинной.

Зеркало смотрелось тут, в этом мрачном склепе, совершенно нелепо: предметом из какой-то другой жизни, где есть огромные бальные залы со множеством свечей, где оркестры играют полонезы и мазурки, а перед подобными зеркалами прихорашиваются бывалые светские львицы, украдкой рассматривают себя робеющие дебютантки и подкручивают усы бравые драгунские поручики.

Клара подошла ближе и критически принялась рассматривать своё отражение. У зеркала было совсем холодно: будто бы в раму было вставлено не стекло, а отшлифованный кусок льда. Девушка приложила руку к блестящей поверхности и тут же одёрнула её: пальцы обожгло холодом.

И случилось невозможное: по ровной доселе поверхности зеркала от того места, где рука коснулась стекла, побежали, расходясь волны, словно от брошенного в спокойный пруд камня. Кларино отражение поплыло, смазлось на мгновение и вновь успокоилось. Но кое-что изменилось.

Из глубины зеркала на отражение девушки надвигалась темнота. Словно огромная бесформенная амёба медленно приближалась к стоящей в раме Кларе-2, поглощая свет и всё, что он освещал. Вместе с темнотой оттуда же, из неведомых глубин зазеркалья, волнами выплёскивался холод. Рама зеркала покрылась инеем.

Тьма наплывала на отражение неотвратно, уверенно, с неторопливостью удава, заглатывающего беспомощную жертву. Клара поняла, что сейчас произойдёт что-то страшное и необратимое. Она закричала и замолотила кулачками по ледяному стеклу, оставляя на нём окровавленные клочья мгновенно примерзающей кожи.

Но отражение её всё так же спокойно стояло, безмятежно разглядывая мечущуюся по эту сторону зеркала девушку. Тьма уже начала укутывать своим саваном Клару в зеркале и одновременно с этим послышался глухой, лишённый всяких эмоций голос:

– Я Хозяин. Беру своё.

Клару бил озноб. Её отражение в зеркале почти полностью поглотила темнота. Ещё мгновение, ещё... и вот всю заиндевевшую раму заполнила ровная непроницаемая темнота. Клара в тщетной надежде пыталась высмотреть в ней своё отражение, но видела только пустоту, заключённую в красивую старинную раму. Прошло ещё несколько мгновений.

Мрак зазеркалья начал рассеиваться. Вот в зеркале проступили контуры стен, вот уже видна тяжёлая кованая дверь... зеркало, наконец, очистилось полностью. Девушка в ужасе взглядела в него: отражалась лишь пустая комната. Клары в ней не было. Она вскрикнула и замертво рухнула на холодный пол.

Глава 8

19 июля, Нероград, улица Туркестанская, 11—15.

Я неспешно шагал к указанному покойным греком дому. Погода с утра выдалась замечательная, городок у нас невелик и потому я решил поразмяться, прогулявшись пешком.

И вот уж с полчаса брёл по залитым весёлым июльским солнцем улицам, лениво разглядывая вывески новых, плодящихся, будто спятившие кролики, магазинов. Периодически мой взор, становясь нескромным, соскальзывал ниже, цепляясь за смело оголённые ножки молодых красавиц, коих по причине чудной погоды и студенческих каникул не счесть было на улицах нашего городка.

Вот за что я люблю нынешнюю молодёжную моду, так это за предельную экономность в материалах, позволяющую старым перечникам, вроде меня, совершенно безнаказанно и в подробностях разглядывать якобы скрытые якобы одеждой женские прелести. Ну, насчёт «перечника» я, разумеется, кокетничаю: есть ещё порох в пороховницах (и ягоды в ягодицах, как не преминул бы добавить известный пошляк Петрович!). По крайней мере, бывшие мои подружки не жаловались, а совсем даже наоборот. Да и бывшая дражайшая половина в супружеской постели отнюдь не скучала до того, как свалить в страну Суоми вместе с богатеньким финном, невесть где найденным ею у нас на Урале. Впрочем, возможно она и сейчас не скучает: иные финны весьма темпераментны...

Я усмехнулся, представив собирательный образ «горячего финского парня» и продолжил приятное созерцание оголённых июльским зноем женских тел.

Одно из них показалось знакомым. Я поднял глаза выше: навстречу мне, ослепительно улыбаясь, шла Кларочка. «Всё-таки, походка у неё изумительная... и не только походка!» – успел подумать я, прежде чем прелестное создание подошло вплотную и остановилось, рассматривая меня смеющимися серыми глазами:

– Чур меня, чур! Пал Палыч, это вы или ваш дух явился с того света, дабы увлечь за собой невинную девушку?

Честно говоря, невинность юного секс-символа нашего отделения вызывала у меня некоторые сомнения. Я открыл было рот, чтобы мудро и достойно ответить подрастающему поколению, но оно меня опередило, страшным шёпотом поинтересовавшись:

– А может, вы вампир? И сейчас вопьётесь в мою нежную шейку, прокусите ярёмную вену и выпьете меня вместо утреннего кофе? Нет, правда, Пал Палыч, вы настоящий? Можно, я вас потрогаю?

– Лучше уж я тебя... по крайней мере, мне это будет приятнее. Надеюсь, это не будет расценено, как домогательство? Так, дружеское поглаживание старшего товарища...

Клара засмеялась и тряхнула распущенными золотыми волосами. На работе она всегда собирала их в скромный пучок или «хвост», а то и вовсе прятала под шапочку. А тут, оказывается, такая роскошь... да, не знаем, не ценим мы своих собратьев по цеху. Пардон, сосестёр.

– Я в самом деле рада вас видеть живым и здоровым! – Клара оценивающе склонила голову набок: – Должна заметить, что живым и розовым вы мне нравитесь гораздо больше, чем дохленьким и синеньким.

– Угу. Я и сам себя таким как-то больше люблю, – пробурчал я. – Кстати, я ведь так и не поблагодарил тебя за чудесное спасение моей бесценной жизни. Огромнейшее мерси! – Я взял её ладошку и приник губами к запястью. Несмотря на жару, её пальцы оказались неожиданно прохладными.

Девушка слегка покраснела, однако руки не отняла и даже ответила лёгким пожатием.

– Да будет вам, Пал Палыч! Мы все перепугались за вас не на шутку... я уж подумала, что не вытащим. Слава Богу, ошиблась. И... давайте больше не будем о грустном, ладно? – Кларочка сморщила носик и, прищурясь, взглянула на меня, – Лучше признавайтесь, какими судьбами вас занесло в эти края? Живёте тут?

Я с невольной гордостью за старую гвардию отметил, что юное очарование продолжало держаться за мои пальцы. Нет, рано, рано меня списывать со счетов... эвона, красавица лет на двадцать моложе, а гляди-ка, так и льнёт, так и льнёт... Может и в самом деле, не ограничиваться только чисто служебными отношениями? Я почувствовал приятное волнение в нижней части организма... да чего уж там, эта часть просто вызывающе доминировала!

– Да нет, Кларочка, я тут по делам. – пытаюсь побороть основной инстинкт, выдал я. Инстинкт яростно сопротивлялся, цепляясь за выступающие части тела.

– Уж не сокровища ли покойного грека ищите? – лукаво поинтересовалась прелестница, – То-то вы позавчера с ним всё шептались. Ну что, успел он вам открыть тайну золотого ключика?

Я заколебался. Шутливый вопрос Кларочки неожиданно попал в самую точку. Я поймал себя на том, что мне совершенно не хочется идти в квартиру новопреставленного Антонида одному. Нет, не то чтобы я был суеверным, слава Богу, дурацкие приметы и верования никогда не осложняли мне жизнь. Но... определённый дискомфорт от одной лишь мысли о том, что мне предстоит войти в чужой дом, хозяин которого только что умер, всё-таки присутствовал.

А вот в милом обществе Кларочки, пожалуй, эта авантюра вполне сошла бы за увлекательную игру в кладоискателей. Да и был бы чудный повод для продолжения наших зарождающихся внеслужебных отношений. Если, конечно, она согласится...

– Кларочка, тебе можно доверять? – вкрадчивым шёпотом спросил я.

Она округлила и без того огромные глазищи, и схватила за меня второй рукой:

– Конечно! Вы расскажете мне, как пройти к Полю Чудес?

– Нет, голубушка, в Страну дураков пусть ходят простые деревянные парни... вроде Буратино. А тебе я хочу предложить вместе со мной нанести визит Антонида.

Девушка отшатнулась и посмотрела на меня, как на беглого психа, страдающего лепрой:

– На тот свет?!

Я мысленно выругался. Сейчас она решит, что я сбрендил и скроется в туманной дали. И поспешил исправить ситуацию:

– Нет, конечно. Прости, я неправильно выразился. Видишь ли, перед тем, как покинуть нас, Димас передал мне ключи от своей квартиры, поручив найти и забрать одну вещь. Очень древнюю и ценную. Я, собственно, потому тут и оказался. Вон в том доме Антонида живёт... жил. – Я показал рукой на кирпичную «хрущёвскую» пятиэтажку, стоящую на другой стороне улицы. — Так как, пойдёшь со мной на поиски сокровищ?

Клара медлила с ответом. Видимо, напряжённо пыталась определить, всерьёз ли я предлагаю ей связаться в эту авантюру, или просто поддерживаю взятый ранее шутливый тон. Руку мою она так и не отпустила, и сейчас задумчиво постукивала по ней пальчиками. Наконец, приняв какое-то решение, вскинула на меня глаза:

– Вы ведь не шутите, верно?

– Абсолютно.

– Но... насколько это законно? Всё-таки, чужая квартира, хозяин умер... – Она в сомнении пожала плечами.

– Я уже думал об этом. Взламывать квартиру мы не станем: откроем родными ключами. Которые, кстати, вручил мне сам покойный хозяин. И он же, кстати, поручил мне взять печать...

– Что взять? — переспросила Кларочка.

– Печать. Древнюю каменную печать с изображением храма.

– А зачем?

Видно было, что девушка уже оправилась от мимолётного приступа сомнений и теперь глаза её горели неподдельным азартом кладоискателя.

– Кларочка, это длинная история. На бегу не расскажешь. Знаешь что? Я приглашаю тебя на чашечку кофе. Вот, кстати, и подходящее место! – я увлёк потенциальную компаньонку в сторону так кстати оказавшегося поблизости уютного кафе.

Кларочка не сопротивлялась и мы, войдя в блаженную кондиционированную прохладу, уселись, словно заговорщики, за столик в самом дальнем и тёмном углу маленького зала. Заказав нам гляссе, я начал пересказывать девушке всё, что узнал от Антонида. О Хруле и его истории я, разумеется, умолчал.

Кларочка зачарованно слушала, ни разу не перебив меня. Так маленькие дети слушают захватывающую сказку с драконами, рыцарями и добрыми волшебниками, которую нараспев рассказывает им на ночь любимая престарелая няня.

Когда я дошёл до той части моего рассказа, в которой повествовалось о предстоящем походе в Лабиринт Минотавра, Кларочка удивлённо-восторженно приоткрыла рот. Я ощутил себя гибридом Арины Родионовны с Котом-Баюном.

Сейчас, спустя сутки после встречи с Хранителем и откровений грека, вся эта мистика с ульями, жезлами, охотниками, хозяевами и прочими нелепыми персонажами, всё больше казалась мне дурным сном. О реальности грековой исповеди напоминала лишь связка ключей, оттягивающая карман джинсов. О реальности персонажа, которому я дал звучное и гордое имя Хруль, не напоминало ничего. Да и был ли он на самом деле?

– Был, есть и буду есть! — Полтергейсты, оказывается, тоже умеют шутить.

Хруль материализовался за нашим столиком, заняв свободный стул. Он небрежно взмахнул рукой (или лапой?) и всё вокруг замерло. Кларочка так и застыла с приоткрытым ротиком, восторженно глядя на меня остановившимся взглядом.

Молодая парочка, только что вошедшая в кафе и занимающая места за соседним столиком, застыла в позах, абсолютно противоречащих всем известным законам физики. Особенно пикантной оказалась позиция молодого человека, лихо занесшего ногу, дабы оседлать стул, да так и замершего в положении писающего бульдога.

Официант, уронивший в спешке с подноса чашечку с кофе, застыл в тщетной попытке её поймать... а сама чашка неподвижно зависла в воздухе в паре дюймов от пола вместе с выплеснувшимся из неё коричневым протуберанцем эспрессо. Каким-то непостижимым образом Хруль остановил время. Для всех, кроме нас с ним.

– Привет! – как ни в чём не бывало он пододвинул к себе мой бокал с гляссе и с хлопанием отпил изрядный глоток.

– Привет! – ответил я, провожая тоскливым взглядом исчезающий кофе.

– Извини, мне пришлось изолировать нас во времени... Иначе твоей девушке, да и всем окружающим показалась бы несколько странной твоя привычка разговаривать с пустотой... – Хруль хихикнул и повертел правым ухом у виска. – Но вернёмся к нашему делу. Если я правильно понял, ты принял решение?

– Ты понял правильно. Я пойду за жезлом.

– Отлично! Это хорошая новость. А вот плохая: как только ты коснёшься печати, на тебя начнётся охота. И закончится только тогда, когда ты завладеешь жезлом. Или когда тебя убьют. —оптимистично закончил мысль ушастый добряк.

Я крякнул. Перспективы заманчивые, что и говорить.

– А скажи пожалуйста, есть какие-нибудь способы противостоять Охотникам? И Хозяевам?

Хруль задумался. Потом медленно заговорил, помахивая ушами:

– Очень мало. Запомни простые вещи. Во-первых, Хозяева появляются только ночью. С наступления темноты до рассвета, если точнее. Во-вторых, в твоём доме они тебя не достанут. Даже во временном. Номер отеля, больничная палата, шалаш – для них закрыты. В-третьих: если уж ты ночью оказался вне своего жилища, держись подальше от зеркал. От любых зеркал, даже их осколков. Да, вот ещё что: сами Хозяева не могут определить, где ты находишься. Искать и преследовать тебя будут Охотники... а они, по сути, – обычные люди: от них можно убежать, их можно ранить... даже убить. Никакими такими волшебными способностями они не обладают. Но зато крайне целеустремлённы и последовательны в преследовании своей жертвы. И не связаны никакими моральными запретами. – Хруль допил мой кофе и теперь издавал непотребные звуки, пытаясь высосать через соломинку несуществующие остатки со дна бокала.

– А как ты думаешь, что они предпримут? Попытаются просто не дать мне добраться до жезла, или сами захотят завладеть им? – Я машинально огляделся, не слышит ли кто-нибудь хлоппанье, издаваемое полтергейстом.

Хруль задумчиво протянул:

– Ну-у... не знаю. Видишь ли, неизвестно, дастся ли жезл им в руки... Поэтому, честно говоря, им проще было бы помешать дойти тебе. Любыми способами. Хотя, возможно, они попробуют завладеть жезлом сами. Или уничтожить его, чтобы обезопасить себя от подобных проблем в будущем.

– Его можно уничтожить? – удивился я.

– А почему нет? – недоумённо приподнял ухо мой собеседник, – Обычный деревянный посох, если вдуматься. Хрясь об колено и всё... делов-то!

– И что произойдёт тогда?

– Да ничего особенного. Конец света уж точно не наступит. Подозреваю, что сломавшего жезл даже молния не поразит и земля под ним не разверзнется. Просто артефакт будет навсегда утрачен для людей... со всеми вытекающими последствиями...

– погоди, погоди! – меня осенило очередное нехорошее подозрение, – Выходит, что даже если я получу жезл, эти... Охотники с их Хозяевами от меня не отстанут? Чтобы его уничтожить?

Хруль энергично замотал головой:

– Как только ты коснёшься жезла, Хозяева исчезнут. Навсегда. А души Охотников вернутся в Ульи. И преследовать тебя будет некому.

Что и говорить, это успокаивало. Но оставалось неясным ещё одно:

– Грек говорил, что, завладев жезлом, я получу дар целительства. А как всё это будет происходить? Я имею в виду исцеление. Мне что, нужно будет умирающего жезлом тыкать? Или руки на бледное чело накладывать? Слова какие-то особенные говорить?

Хруль тяжело вздохнул:

– Киношек посмотрелся? Никаких ритуалов не будет. Просто коснись рукой болезного и вели ему исцелиться. Мысленно, но если тебе так уж нужны театральные эффекты, можешь торжественно произнести что-нибудь вроде: «Встань и иди!» – полтергейст хмыкнул.

– И исцелится?

– И исцелится. Мгновенно, полностью и навсегда. – Хруль пристально посмотрел на меня.

Я чувствовал какой-то подвох, но не мог понять, в чём именно он заключается. Очень похоже, что мой новый приятель чего-то не договаривает.

– Есть ещё что-нибудь, что я должен знать? – осторожно поинтересовался я.

Хруль опять вздохнул:

– Ну, ладно. Видишь ли, покойный Антонида сказал тебе не всё. Не со зла, наверное, он и сам этого не знал.

– Чего «этого»?

– Ты действительно получишь дар исцеления. Но... применить его сможешь только один раз. Не ошибись с выбором, Павел!

Ну вот, так и знал! Либо руки мыть с мылом, либо чай с сахаром... всё в лучших традициях сказок народов мира: если уж получаешь чудесный дар, то непременно с условием. Иначе никак...

– У тебя останется дар целительства, – поспешно продолжил Хруль, заметив моё разочарование, – То есть, станешь ты, что называется, «врачом от Бога». Сможешь постичь суть любой болезни, увидеть её причину, найти единственно правильное средство для борьбы с ней... никогда не допустишь врачебной ошибки. Но действительно ИСЦЕЛИТЬ безнадежного больного сможешь лишь один раз.

– И на том спасибо! – я немного успокоился.

– Не за что, – буркнул Хруль, ещё раз заглянул в бокал и засобирался, – Ну, мне пора. Дела, знаешь ли. Кстати, если тебе понадобится мой совет или помощь, просто подумай об этом. Я услышу.

– Ладно. За предложение спасибо.

– И ещё одно. Чуть не забыл. Где-то рядом с тобой – Охотник.

Я напрягся. Началось? Уже?

– Где? Кто?

Хруль пожал плечами:

– Не могу точно сказать. Может, здесь, в кафе. Или где-то в соседних домах. Или курит на улице... И, кстати, не факт, что этот Охотник идёт именно по твоему следу. Я просто чувствую, что он где-то рядом.

Да, ценная информация, нечего сказать! Тем не менее, я начал озираться в поисках вероятного противника. Хруль противно захихикал:

– Ты что же, думаешь, у него на лбу крупно написано «Убью Палыча»? Пока он на тебя не нападёт, не поймёшь. Так что расслабься и допивай свой кофе!

– Мой кофе уже кое-кто допил! – возмутился я.

– Да? – наглец повертел пустой бокал в толстеньких пальцах, – Ну, закажи ещё. Он вкусный.

И исчез.

Тут же раздался треск разбитого фарфора. Чашка, оброненная официантом, завершила свой последний путь. Мир вокруг ожил.

– Пал Палыч, когда это вы успели свой кофе выпить? – изумилась выпавшая из темпоральной заморозки Кларочка.

19 июля, Нероград, улица Туркестанская, 12—30.

Мы уже вошли в подъезд, когда Кларочка вдруг вспомнила:

– Ой, я же подружке должна была позвонить! Пал Палыч, вы подождите минуточку, я быстро! – и, достав из сумочки мобильник, выскочила на улицу.

Я присел на перила и задумался. Судя по всему, девушка всерьёз увлеклась авантюрой, в которую я её втянул. По крайней мере, на протяжении всего моего рассказа она ни разу не проявила никаких сомнений в том, что вся эта полусказочная история – правда. Никакого скепсиса, лишь сосредоточенное внимание, да изредка – уточняющие вопросы. Уж легкомысленной и ветреной особой её никак не назовёшь – видно было, что ещё в ходе нашего разговора она обстоятельно готовилась к предстоящей операции, просчитывая возможные её сценарии. Или мне показалось, и я выдаю желаемое за действительное?

– А вот и я! – вприхнувшая в подъезд Кларочка ухватила меня под руку, – Ну что, вперёд, навстречу приключениям?

– Вперёд, дитя моё, и да пребудет с нами Сила! – процитировал я какой-то фильм и мы двинулись вверх.

Антониди жил на пятом этаже. Лифта, естественно, в хрущёвке не было, поэтому, подойдя к заветной двери, мы оба дышали, будто актёры, занятые в озвучке порнографических фильмов. Я вставил ключ в скважину и, затаив дыхание, повернул. Замок старенькой двери открылся на удивление легко и почти беззвучно. Клара легонько толкнула дверь и опасливо попятилась за меня. Дверь открылась. Я шагнул внутрь, увлекая за собой мою оробевшую сообщницу.

Интерьер жилища Димаса поражал убожеством. Собственно, интерьера-то не было никакого: в крохотной однокомнатной квартире из мебели присутствовали только самодельный, грубо сколоченный из толстых досок стол на микроскопической кухне; самодельный же табурет (явно угадывалась рука того же мастера) и огромный нелепый шкаф в жилой комнатке. Спал грек, видимо, на матрасе, валяющемся на полу у окна. Такая роскошь, как бытовая техника и занавески, отсутствовала напрочь.

– Господи! – прошептала за спиной Кларочка и сжала мою руку, – Нищета-то какая!

Я угрюмо кивнул. Как же ты жил тут, Димас Антониди? И что же, всё-таки, побудило тебя поменять свой благословенный Крит сначала на сталинские лагеря, а потом на эту конуру? Теперь уж не узнать. Одно ясно: долго искать печать нам не придётся. Вот он, шкаф-то!

Я осторожно освободился от Клариных пальчиков и шагнул вперёд. Помнится, грек говорил, что шкатулка с печатью лежит в нижнем ящике. В гигантском шкафу их было несколько. И все нижние. Присев, я начал выдвигать один за другим. Шкаф скрипел и угрожающе раскачивался, извергая облака пыли. Кроме пыли и нескольких дохлых тараканов, внутри не было ничего.

Разумеется, шкатулка обнаружилась в последнем из исследуемых ящиков. Обычная старая коробка из-под кубинских сигар. Когда-то, в полузабытые советские времена, такие коробки можно было найти в любом продуктовом магазине: товарищ Кастро исправно снабжал строящий коммунизм советский народ стратегической продукцией острова Свободы.

Я осторожно поднял коробку: лёгкая. Одно из двух, либо там ничего нет, либо каменная печать не такая большая, как я себе представлял.

Мне в ухо взволнованно задышала Кларочка, отошедшая, наконец, от первоначального шока. Я скосил глаза и увидел живое воплощение классической фразы из старинных любовных романов: «Грудь её волнуяще вздымалась...» Пожалуй, даже слишком волнуяще.

– Это оно? – выдохнула Кларочка из вздымающейся груди.

– Надеюсь! – я осторожно приподнял крышку.

Оно! В углу шкатулки рисунком вниз лежал пятиугольный камень. В центре его было просверлено отверстие, сквозь которое прежний хозяин пропустил толстый кожаный шнурок, завязанный замысловатым и весьма крепким на вид узлом. За шнурок-то я её и поднял, почему-то не решившись прикоснуться к самой печати.

На другой стороне был грубо высечен рисунок. Древнегреческий храм. Как и говорил Димас, храм действительно очень напоминал известный всем по фотографиям в учебниках истории Акрополь.

Кроме самой печати, на шнурке болтался странный предмет, о котором Димас, помнится, ничего не говорил: небольшая квадратная металлическая пластинка с пробитыми в ней квадратными же отверстиями. Я зачем-то пересчитал их. Дырок оказалось двадцать пять и располагались они в совершеннейшем беспорядке. Что же касается металла, из которого был изготовлен загадочный артефакт, то у меня зародились подозрения, что это бронза. Ещё один сюрприз Антониди? Или просто своеобразный брелок к печати? Кто их знает, этих древних греков, может, у них было модным ко всему цеплять всякие побрякушки... на манер нынешней молодёжи?

Я держал в руке вертящуюся на шнурке древнюю печать и медленно прозревал. Признаться, до этого момента, я, всё-таки, так до конца и не уверовал в реальность событий последних двух суток. Несмотря на исповедь умирающего грека, несмотря даже на появление уж вовсе фантастического Хруля, способного, к тому же, лёгким движением руки останавливать время... не верил и всё тут. Но сейчас... Предмет в моей руке был действительно древним. Очень древним. И ещё он был НАСТОЯЩИМ. Материальным, осязаемым. Который можно потрогать...

Я прикоснулся к шершавому камню. Против ожиданий, он оказался тёплым, даже горячим. Задержав пальцы на изображении храма, я вполне явственно ощутил довольно сильную пульсацию, будто бы внутри камня размеренно билось маленькое, но живое и сильное сердце. Показалось? Я поднёс печать к уху. Нет, не показалось. Знакомый вдвоенный перестук... систола – диастола... примерно восемьдесят в минуту. Или это я свою собственную пульсацию слышу?

– Всё, как грек говорил, так ведь? – Кларочка тоже зачарованно глядела на печать. Глаза её блестели азартом исследователя, – Можно мне?

Она протянула руку к камню. Я кивнул. Девушка осторожно, словно бабочку боясь спугнуть, поднесла раскрытую ладонку под висящую на шнурке печать. Я разжал пальцы...

Почти одновременно раздались пронзительный вскрик и стук упавшего камня. Остро запахло палёным мясом. Кларочка, выронив печать и, скрючившись от боли, присела на пол, дуя на руку. Из глаз её текли крупные слёзы.

– Ты что?! – я присел рядом с ней, обняв одной рукой за плечи, а другой разворачивая её руку ладонью кверху, пытаюсь рассмотреть поближе.

Кларочка всхлипнула:

– Не знаю... меня обожгло что-то. Очень больно! Я даже... – она осеклась, увидев свою ладонь. Я тоже онемел.

На узкой девичьей ладонке чётко отпечатались рисунок храма. Такой же, как на печати. Только в зеркальном отображении. Ожог был таким сильным, что некоторые линии рисунка были обуглены. Мы оторопело переглянулись.

– Пал Палыч, что это? Почему? – голос Клары дрожал и срывался от боли и от обиды. – Вы же её держали – и ничего! Меня-то за что?

В задумчивости я поднял печать с пыльного пола. Она по-прежнему была тёплой и пульсировала, но вовсе не обжигала. Ответить Кларе не успел...

Во входную дверь постучали. И сразу же вслед за стуком раздался скрип открываемой створки. Мы с Кларочкой переглянулись: ну конечно, мы не озаботились тем, чтобы запереть дверь за собой. И вот теперь ещё кто-то зашёл в гости к Димасу.

Я быстро накинул кожаный шнурок на шею, запихнул пульсирующую печать под футболку и, поднявшись с пола, развернулся лицом ко входу.

– Скорую вызывали?

На пороге стояли два крепыша в форме «Скорой помощи». Один из них держал в руке объёмистый металлический чемодан, у другого обнаружили сложенные брезентовые носилки, так называемые «волокуши». У меня отлегло от сердца: всё ясно, парни просто ошиблись адресом. Видимо, кому-то из соседей Антониди заплочело, вызвали «Скорую». И то ли диспетчер не расслышала, то ли вызывающий не вполне уверенно ворочал языком... вот и приехали ребятки малость не туда. Бывает. Улыбнувшись, я шагнул навстречу «волшебникам страны 03»:

– Да нет, коллеги, ошибочка вышла! Мы не...

...И сложился пополам от мощного удара ногой в живот. Дыхание перехватило, перед глазами поплыли радужные круги. И очень ясно вдруг в памяти всплыли слова Хруля: «Пока он на тебя не нападёт, не поймёшь». Охотники? Оперативно, чтоб вас...

Между тем, ударивший меня «коллега» решил закрепить успех. Он стремительно шагнул ко мне и замахнулся короткой резиновой дубинкой, явно намереваясь приложить меня ею по черепу. В мои планы это никак не входило.

Я ушёл влево, под его занесённую для удара руку, перехватил её у запястья и в локте, потом слегка повернул корпусом, лишь самую малость откорректировав траекторию его броска.

Супостат красиво пролетел полкомнаты и смачно впечатался головой в дверцу шкафа. Та оглушительно треснула. Судя по расслабленной позе, принятой под шкафом псевдо-доктором, на какое-то время о нём можно было забыть. Я обернулся ко второму.

Этот парень оказался серьёзней. Увидев фиаско своего напарника, он не стал размениваться по мелочам. И теперь осторожно подступал ко мне с ножом.

Крайне неприятного вида оказался ножичек. Да и хозяин его, по всему видно, с железками подобного типа обращаться умел. Он не замахивался картинно, но бездарно клинком над головой, нет, он делал им короткие сильные выпады снизу вверх, тут же убирая руку с ножом назад, за пределы моей досягаемости.

Пару раз я удачно увернулся, отступая от наседающего противника и понимая, что в микроскопической комнатёнке вот-вот упрусь лопатками в стену. И тогда добрый доктор с радостью проделает во мне парочку лишних дырок. А это больно.

Улучив момент, когда рука с ножом вновь метнулась к моей печени, я крутнулся, оказался сбоку от потрошителя и поймал левой рукой его правое запястье. Со стороны мы теперь напоминали известную мухинскую скульптуру «Рабочий и колхозница». Сходство это, впрочем, длилось недолго: второй рукой я завернул на излом вражью кисть, держащую нож.

Мерзавец взвыл и разжал пальцы. Ну, в конце концов, я не просил его делать мне вскрытие. И дожал ещё, одновременно разворачиваясь и заводя его конечность назад. Раздался противный хруст, заглушаемый животным воем. Ну вот, со сломанной клешней много не навоюет.

Швырнув подвывающее тело в кухню, я обернулся к Кларочке. Пора было покинуть это негостеприимное жилище.

Я оказался слишком самонадеян. Решил, что надолго вырубил первого нападающего, а зря. И вот теперь он целился в меня из большого и страшного с виду пистолета. Дуло смотрело мне точно в переносицу и с тошнотворной четкостью я видел, как палец на спусковом крючке медленно сгибается... «Кранты!», – печально догадался я и закрыл глаза в ожидании выстрела...

...Которого всё не было. Я приоткрыл глаза. Мой киллер стоял, опустив ствол и разинув рот. Взгляд его был безумным и обращён на что-то позади меня. Я оглянулся.

Из кухни торжественно вылетала та самая, единственная в квартире табуретка. Медленно и величаво она проплыла по воздуху чуть левее моего уха, повернулась вокруг оси, поднялась выше и, слегка покачиваясь, зависла над опешившим Охотником.

Тот, не дыша, следил за спятившей мебелью. На невысоком челе «доктора» отразилась лихорадочная игра его мысли. Похоже, душегуба терзали два противоречивых желания: либо расстрелять в опознанный летающий объект всю обойму, либо бежать отсюда к чёртовой матери.

Из правого угла донёсся сдавленный крик. Кларочка, зажав обеими руками рот, сидела на полу и с ужасом смотрела на висящую в воздухе табуретку. Похоже, визит двух вооружённых головорезов напугал её меньше, чем вид безобидной кухонной утвари, спокойно летающей по комнате. Ах, женщины...

Между тем, табуретке, видимо, надоело болтаться в небе без дела. Резко взмыв под самый потолок, она на мгновение зависла там, будто в раздумьях, а потом со свистом спикировала в лоб стоящему под ней Охотнику.

Раздался короткий хруст. «Доктор» издал непристойный звук, выпустил пистолет и прилёг. Похоже, надолго.

Табуретка вновь взмыла под потолок, победно покачала в воздухе ножками и совершила плавную посадку на кухне. Через мгновение оттуда выглянула смеющаяся рожица Хруля. Он игриво подмигнул мне, показал большой палец и исчез. Полтергейст сделал своё дело, полтергейст может уходить... «Надо было поблагодарить его», – запоздало подумал я. Как-никак, жизнь спас.

Тут больше делать было нечего. Враг временно повержен, пусть и при помощи потусторонних сил. Печать у меня. Пожалуй, пора и честь знать. Я подошёл к забившейся в угол Кларочке и протянул руку.

Она, глядя на меня, как на ожившую статую воина-освободителя из берлинского Трептов-парка, схватилась за мои пальцы и рывком поднялась на ноги. Не рассчитав усилий, пошатнулась и случайно всем телом прижалась ко мне. «День удался!» – подумал я и так же случайно её обнял. Так, в обнимку, мы и покинули негостеприимное жилище Димаса.

Кларочка обрела дар речи только на первом этаже. Но я не дал потоку вопросов вырваться наружу, весьма бесцеремонно зажав ей рот свободной рукой. И осторожно выглянул из подъезда.

«Скорая» стояла в двух шагах. Водительское место пустовало. Одно из двух: либо злобные «доктора» рулили сами, либо водитель укрылся где-то неподалёку... или банально отошёл покурить. Впрочем, последнее маловероятно: что мешало курить в машине?

– Делаем беззаботный вид и быстренько, но не бегом, выходим, и сразу же – за угол. Там ловим машину. Обсуждения – потом! Ясно? – Я освободил Кларин рот.

– Ясно! – кивнула она и изобразила беззаботный вид. Получилось убедительно.

Я крепче прижал её к себе, попытался радостно улыбнуться и шагнул наружу. Клара семенила рядом. Мы прошли мимо «Скорой помощи» и завернули за угол.

Никто не топал ногами вдогонку, не грохотали выстрелы, не свистели пули. Вокруг сновали по своим делам прохожие, но никто из них не пытался на нас напасть. И даже злых лиц почти не встречалось. Пока всё обошлось.

На обочине дороги я поднял руку. Почти сразу же остановилась древняя «ауди» с южным гражданином за рулём.

– До рынка добросишь?

– Пятдесят! – обнаружил знание числительных драйвер.

– Идёт! – открыв заднюю дверь, я усадил Кларочку и втиснулся сам.

Кавказец рванул с места, визжа изношенными шинами. Ехали мы недолго. Я несколько раз оглядывался, пытаюсь вычислить вероятный «хвост», но его, похоже, не было. Наш извозчик лихо гнал машину, нагло рассматривая оголившиеся Кларочкины коленки в зеркале заднего вида.

– На дорогу смотри! – зыграл во мне инстинкт собственника. Джигит цокнул языком и неохотно отвёл взгляд. Кларочка хмыкнула.

У ворот городского рынка мы выскочили из машины и ввинтились в толпу. Крепко стискивая прохладную ладошку, я по сложной траектории двигался к противоположному выходу, надеясь оторваться от предполагаемой погони. Клара почти бежала рядом, ухитряясь по-прежнему молчать и улыбаться.

Сделав несколько витков по рынку, мы выбежали из других ворот и вскочили в отъезжающий троллейбус. Через три остановки я выдернул Кларочку наружу, и мы оказались у калитки городского сквера.

Скамейка уютно примостилась в густых зарослях сирени так, что её почти не было видно с аллеи. Зато отсюда замечательно просматривался вход в скверик. Всё ещё не веря в отсутствие погони, я периодически поглядывал на калитку.

– Может, надо было милицию вызвать? – высказала неуверенное предположение Клара.

– Ага..., и как бы мы им всё объяснили? Двое неизвестных, вломившихся в чужую квартиру, нанесли тяжкие телесные повреждения невинным врачам «Скорой помощи», всего-то перепутавшим адрес? Причём одного из докторов цинично били по голове табуреткой. И потом... они могли очень быстро очухаться и продолжить веселье. Или вызвать подмогу. Да мало ли...

– А кто это был? И чего хотели? – Кларочка наседала.

– Ну, чего они хотели – понятно. Ножичком в меня тыкали совершенно недвусмысленно. Да и пристрелили бы без душевных терзаний, если бы не Хр... – я вовремя прикусил язык. Ни к чему ей, пожалуй, знать про Хруля. Да и не поверит всё равно.

– Если бы не что? – девушка не унималась. – Этот фокус с табуреткой... как вы это сделали? Вы ведь не касались её, я видела. Табуретка просто прилетела и бац! Ой, какое у него лицо было! – вспомнив, залилась она весёлым смехом.

– Да уж... парниша был слегка удивлён! – хмыкнул я, тоже смакуя тот сладкий миг триумфа.

– А если серьёзно, Пал Палыч? Как так получилось, всё-таки? – посерьёзнев, вернулась к теме Клара.

– А если серьёзно, – не знаю. Сам был весьма удивлён. Я уж решил, что всё, конец. И тут...

– Прямо полтергейст какой-то! – задумчиво протянула девушка.

Я вздрогнул. Невольно Кларочка сама ответила на терзающий её вопрос.

– И что теперь делать? – продолжила она допрос.

А вот что теперь делать, я не знал. Игра началась и, если верить покойному Димасу, и ныне здравствующему Хрулю, обратной дороги у меня теперь нет. Война объявлена и противник, судя по первому опыту общения с ним, церемониться не намерен.

Самое скверное то, что я не знаю врага в лицо. То есть, положим, парнишек со «Скорой» я запомнил... но они ведь не единственные, кого неведомые Хозяева натравят на меня. Наверняка будут и другие. Охотником может оказаться любой. Даже Кларочка...

Я покосился на юное создание, сидящее рядом. Создание в задумчивости грызло ноготь. Да ну, бред какой-то! Я тряхнул головой, отгоняя дурные мысли. Кажется, становлюсь параноиком. Впрочем, станешь тут...

В калитку вошли трое. Незнакомые приземистые мужики, лет по сорок каждому. Остановились, огляделись. Я сжал Кларочкину руку. Девушка вопросительно посмотрела на меня, потом проследила за моим взглядом:

– Это за нами? – шёпотом спросила она.

– Не знаю... надеюсь, нет. – так же, шёпотом, ответил я.

Мужики направились в нашу сторону. Я приподнялся, высматривая пути отхода.

Незнакомцы, пройдя несколько шагов, резко свернули в сторону, на детскую площадку и заняли позицию на бортике песочницы. Один из них, по виду – главный, эффектным жестом извлёк из пластикового пакета бутылку. Остальные оживились и достали стаканы.

Я расслабился. Рядом облегчённо вздохнула Кларочка.

– Вот уж не думала, что группа алкоголиков может доставить столько радости! – хихикнула она.

В моей голове начал вырисовываться план дальнейших действий. Как это не при-
сборбно, но...

– Кларочка, сейчас нам придётся расстаться! – решительно заявил я.

Она непонимающе посмотрела на меня. Я пояснил:

– Пока расстаться. Как видишь, события приняли совершенно нежелательный оборот. Охотятся явно за мной, так что тебе просто опасно находиться рядом... А мне сегодня ещё непременно нужно попасть в несколько мест. Времени очень мало, так что давай пока попрощаемся. Идёт?

– Не идёт! – топнув ножкой, девушка просто вскипела, – Мне показалось, что вы взяли меня в союзницы, разве нет? А теперь – бросаете? И я вовсе не боюсь опасностей! – она в негодовании вздёрнула носик, – И потом, вы что, собираетесь отправиться за жезлом в одиночку? Это же безумие!

Вот тут она права. В одиночку мне и в самом деле не справиться. Но... я с сомнением посмотрел на неё: в качестве боевой единицы девушка явно не годилась. Но и отстранить теперь Кларочку от этого неожиданного приключения, ставшего уже нашим совместным, я не мог. Мешало внезапно возникшее чувство долга.

Я почувствовал себя полной свиньёй, сначала показавшей ребёнку вкусную конфетку, а потом цинично сожравшей её на глазах у ревущего малютки. «Мы в ответе за тех, кого приручили...» – некстати вспомнился Экзюпери.

Покопавшись в себе ещё чуток, я понял, что не только высокое чувство ответственности за ближнего своего руководит мною. Просто разыграло либидо. Всё-таки, Кларочка чертовски привлекательна...

– Ладно, будем считать, что союз заключен. Но сейчас нам всё равно придётся разделиться. Давай твой мобильник!

Она с готовностью протянула мне телефон.

– Да нет, номер мобильного! – поправился я, – я тебе позвоню через пару часов. А ты пока найди свой загранпаспорт.

– Ой, он у меня как раз новый, поменяла недавно! – радостно воскликнула Кларочка и, посерьёзнев, добавила: – Пал Палыч, вы не думайте, у меня деньги есть! Я поездку сама оплачу, ладно?

Я неопределённо хмыкнул. Моя вновь обретенная компаньонка топнула ногой:

– Я серьёзно говорю! За себя я буду платить сама!

– Кларочка, предлагаю компромисс: расходы в поездке буду нести я, как организатор и подстрекатель. А твои капиталы пусть будут неприкосновенным запасом. Что-то мне подсказывает, что они нам пригодятся. По рукам?

Девушка подумала мгновение и тряхнула волосами:

– По рукам!

Мы обменялись рукопожатием и номерами телефонов. Кларочка, пританцовывая, направилась было к калитке, но, вспомнив что-то, бегом вернулась:

– Пал Палыч, будьте осторожней, ладно? – она привстала на цыпочки, чмокнула меня в щёку и упорхнула.

Приятно, всё-таки, владеть тайной!

Глава 9

19 июля, Нероград, 14—45, угол Туркестанской и Выставочной.

Машина с красным крестом на борту, поблёскивая «мигалками», подъехала к стоящему на углу мужчине, не по-летнему одетому в строгий тёмный костюм. Боковая дверь отъехала в сторону и Охотник (тот самый, Кларин мучитель!) шагнул в проём. Дверь закрылась.

– Ну что, убийцы – самоучки, облажались? – мужчина, недобро усмехаясь, обвёл взглядом понурых «врачей».

Выглядели те нездорово. Один из них, усевшись верхом на носилки, любовно баюкал загипсованную руку. Со вторым, вылезшим из-за руля, дело обстояло намного хуже: из-под повязки, наподобие чалмы укрывающей почти всю голову, сверкали маленькие заплывшие глазки, окружённые грандиозными кровоподтёками. Оба шумно дышали и молчали. Охотник ещё раз осмотрел своё воинство.

– Как дети малые, честное слово! Вам что было велено? Отвечать, живо! – прикрикнул он.

– Светина оглушить, печать забрать. Доктора потом доставить к зеркалу, оставить до темноты. Девчонку не трогать, – уныло ответил стукнутый табуреткой.

– Правильно. А вы что сделали? Вернее, что попытались сделать до того, как Светин вас уложил рядком? – почти ласково спросил Охотник.

– Ну..., мы так и пытались сделать. Я на него с дубинкой, а он вон как... кто ж знал, что он дзюдо знает...

– Айкидо.

– Что? – не понял ушибленный.

– Айкидо, говорю. Не дзюдо, а айкидо.

– Один хрен... – подал голос однорукый.

– Не скажи... своего противника надо знать. А не переть на него, выпучив глазёнки, как баран на бронепоезд, – назидательно произнёс Охотник, – А что, пистолетиком тоже помахать пришлось? И всё зря?

– Нечисто там что-то. Я бы его уложил, но меня табуреткой стукнуло! – пожаловался парень в чалме.

– Стукнул? – уточнил Охотник.

– Нет, именно стукнулО! Она прилетела из кухни... сама! И – меня в лоб. А потом ничего не помню.

– Сама прилетела, говоришь? А маленьких зелёных человечков с рожками ты там не заметил? Или парочки летающих тарелок? – голос Охотника становился всё холоднее. Чувствовалось, что ему стоит огромных усилий сдерживать гнев.

– Я правду говорю, шеф! – обиделся «доктор» и показал на однорукого, – Вон, хоть у него спросите!

– Всё точно! Табуретка сама летала, Светин её не трогал! – подтвердил загипсованный.

– Хватит! – Охотник в сердцах громыхнул кулаком в дверь. – О летающих табуретках мы поговорим как-нибудь потом! А пока – молчать и слушать новое задание! И чтобы без отсебятины на этот раз! Иначе... – он понизил голос до шёпота, – иначе летающие табуретки покажутся вам райскими птичками.

– Вопрос можно? – подала голос жертва табуретки.

– Можно. Но короче.

– Почему бы девчонке самой не доставить дока к зеркалу? Он, вроде бы, на неё запал. Оглушила бы или вколола чего... Или просто бы заманила под благовидным предлогом...

– Ага, известно каким! – цинично хохотнул однорукий.

Охотник досадливо поморщился:

– А подняться мыслями чуть повыше пояса не пробовали? Впрочем, где уж вам... ладно, объясняю: дражайшая Клара Артуровна – наши глаза и уши. Наша «пятая колонна»... или и это надо объяснять? Нет? Чудненько. Так вот, когда вы облажаетесь в очередной раз, а в том, что вы облажаетесь, я почти не сомневаюсь; и милейший доктор Светин вновь скроется в неизвестном направлении, кто, по-вашему, сообщит нам, где его искать и что он собирается предпринять? А? Не слышу ответа. То-то же. А вот если Кларочка сейчас раскроется, предприняв неудачную попытку остановить нашего доктора, то отлавливать его потом на просторах России и Греции будет весьма затруднительно... Так что, горе-вояки, придётся вам самим потрудиться. Да вы не бойтесь, – усмехнулся Охотник, увидев поскучевшие лица своих подопечных, – Меняем тактику. Вступать в прямой контакт с Пал Палычем вам не придётся. Пока не придётся. Так что у вас будет некоторое время для зализывания ран. Сейчас цель – только печать. Вряд ли до отъезда будет таскать её с собой: со слов покойного грека, она каменная и, видимо, тяжёлая.

– И где её искать? У Палыча дома? – поинтересовался однорукий.

– Дома, на работе, где угодно. Напрягите фантазию. Вполне возможно, нам поможет в поисках Кларочка... но пока – ищите сами! – Охотник прищурился, – И ещё: если вдруг контакта с доктором избежать не удастся, запомните – не убивать! Он нам нужен живым. По крайней мере, пока. Всё ясно?

«Врачи» закивали головами.

– Вот и славно. А я пока свяжусь с нашими друзьями в Афинах. В конце концов, зачем нам ждать, пока карту найдёт Светин, верно? – с этими словами Охотник отодвинул в сторону дверь и выпрыгнул в июльскую жару.

*19 июля, Нероград, городской сквер,
14—30.*

Расставшись с Кларочкой, я набрал номер Петровича. Тот долго не отвечал. Минуты через три, наконец, я услышал крайне заспанный и недовольный Ванькин голос:

– Алё!

– Петрович, не спишь? – ехидно поинтересовался я.

– Теперь уже нет! А ты чего звонишь в такую рань? – Петрович издал долгий смачный зевок, – Случилось что?

– Случилось. Ты в отпуске давно не был?

– Год. А что?

– Появилась чудная возможность весело отдохнуть. С приключениями. У тебя загран-паспорт есть?

– Есть. А... – Петрович, видимо, проснулся и начал проявлять признаки мозговой активности, – Это никак с Антонида не связано?

– Попал в яблочко. Поиграем в Индиану Джонса?

– Значит, всё-таки, не бредил старик, а?

– Ты даже представить себе не можешь, до какой степени не бредил! Я к тебе заеду сейчас? – для приличия спросил я Ваньку.

– Заезжай. У меня пиво есть! – похвастался он и отключился.

19 июля, Нероград, квартира Петровича, 15—20.

Обещанное пиво как-то быстро закончилось. Видимо, оттого, что Петрович, увлечённо слушая мой рассказ, нервно сосал банку за банкой, практически не отрываясь. Прикончив последнюю, он озадаченно повертел её в пальцах, с надеждой перевернул, потряс... и с тяжёлым вдохом смял в комок.

– В-общем, надо ехать! – подвёл я итог своему повествованию и воззрился на задумчивого полуголого Петровича. Разумеется, я рассказал ему лишь то, что услышал от Димаса, благо разумно умолчав о Хруле, Ульях и прочей мистике. Не время пока...

– Интересная историйка получается... А печать у тебя? – поинтересовался он.

Я кивнул и снял шнурок с шеи. Камень увесисто стукнул о столешницу. Ванька наклонился поближе и протянул руку...

– Осторожно! Обжечь может, – предупредил его я.

Коллега покосился на меня и бережно ткнул печать пальцем. Ничего не произошло. Петрович опять приложил палец к древнему камню и подождал. Лицо его расплылось в улыбке:

– Тёплая! И в самом деле, тёплая! – осмелев, он сгрёб печать всей пятернёй и принялся внимательно рассматривать.

– Пульсацию чувствуешь? Или это мне кажется? – любопытствовал я.

– Чувствую. Нет, не кажется. Точно, пульсирует! – Петрович играл с печатью, как ребёнок с любимой погремушкой. Я невольно взревновал:

– Ладно, позабавился, и будет! Так что, поедешь с нами?

– С нами?! – удивился мой приятель, – С кем это, с вами?

– А я разве не сказал? – в свою очередь удивился я, – Кларочка тоже едет!

Петрович весело присвистнул и от души хлопнул меня по спине. Я ткнулся носом в стол.

– Ну, Палыч, ты даёшь! Совращаешь малолетних? Впрочем, завидую: такая фемина! – он мечтательно закатил глаза.

– Я бы попросил без гнусных инсинуаций! – возмутился я, – Кларочка – мой боевой товарищ. Всего лишь... – с грустью констатировал я.

Петрович хмыкнул и цинично подмигнул. Я сгрёб печать и вновь надел её на шею. И вопросительно уставился на приятеля:

– Мы отвлеклись. Поедешь?

– А ведь поеду, Палыч! Ей-Богу, поеду! Даже, если и не найдём ничего, всё равно... Это ж такое приключение! Будет, что внукам рассказывать.

– Ага... если доживёшь до внуков! – охладил я его пыл, – Вань, это может быть опасным. Да нет, что я говорю: это уже опасно. Я ещё никуда не уехал, а меня уже пытались порешить. Ты бы хоть подумал для приличия, что ли?

Петрович стал серьёзным:

– А я уже подумал. И поеду. Тем более что опасно! Не могу же я друга одного отпустить на растерзание тёмным силам. Кларочка, конечно, замечательная девушка, да и перевязать, при случае, сможет... но грубая мужская сила и расчётливый холодный ум не повредят.

Я скептически оглядел коллегу:

– Ну, насчёт грубой мужской силы ты, пожалуй, прав. А вот с расчётливым холодным умом – погорячился. Но всё равно, спасибо! – я пожал Петровичу руку.

– Когда выезжаем? – перешёл он к делу.

– А прямо сейчас! Заедем ко мне за моим паспортом, потом захватим Кларочку и – в турагентство. Подберём подходящий тур, определимся со сроками поездки и завтра – к Витаминычу с заявлениями на отпуск.

– Кстати, мы дежури́м завтра! – вспомнил Петрович.

– Вот именно. Будет замечательная возможность ещё раз всё обсудить. И надо бы придумать легенду для прикрытия нашей поездки. Думаю, широким массам вовсе не обязательно знать, куда и зачем именно мы направляемся. В том числе, и Витаминычу.

– Придумаем! – пообещал Ванька и пошёл за паспортом.

19 июля, Нероград, квартира Светина, 16—30.

Я сидел на стуле посреди разгромленной комнаты и равнодушно наблюдал за Петрови-
чем.

Он, непрерывно куря, носился кругами среди жиденьких холмов моей одежды, безжа-
лостно вываленной на пол, и изрыгал крайне неприличные ругательства. Потом споткнулся
о затерянный в тряпье телевизор, взвыл и уселся на него же.

– Раздавишь ведь! – вяло предупредил я.

– А плевать! – огрызнулся он, однако с телевизора сполз на пол.

Квартиру в моё отсутствие посетило торнадо. Или что-то другое, не менее разрушитель-
ное. Такое, по крайней мере, создалось впечатление, когда незапертая дверь легко распахну-
лась под нажимом моего пальца и явила нам разорённое нутро скромного двухкомнатного
жилища.

Незванные гости, видимо, торопились и совершенно не озаботились наведением порядка
после своего визита. Всё содержимое шкафов, ящиков и даже холодильника было бесцере-
монно вывалено на пол. Немногочисленные чахлые комнатные растения (взращённые в своё
время бывшей супругой) были грубо выдернуты с корнями из горшков и теперь весьма живо-
писно дополняли собой общую композицию. А чернозём из горшков был рассыпан повсюду.

Оставив потрясённого Петрови-
ча на пороге, я осторожно прошёл внутрь и отыскал
в ворохе одежды на полу свою старую любимую зимнюю куртку. Помимо своего прямого назна-
чения, по причине наличия множества карманов она выполняла ещё и обязанности хранилища
денег и документов.

С трепетом засунув руку во внутренний карман, я с облегчением вздохнул: загранипас-
порт, сберкнижка и банковские карточки оказались на месте. Неведомые грабители не взяли
даже наличные деньги, лежащие тут же. Одно из трёх: либо пренебрегли их скудным количе-
ством, либо не нашли, либо искали что-то другое. Печать, к примеру...

Словно подтверждая мои догадки, камень на груди жарко запульсировал. Итак, Охотники
время даром не теряли. Пока мы с Ванькой пили пиво и строили наполеоновские планы (вер-
нее, пиво пил один Петрови-
ч!), мои новообретённые враги успели разузнать каким-то образом
мой адрес и устроить погром в квартире. А, кстати...

От внезапного подозрения я невольно вздрогнул и огляделся. Кто сказал, что Охотники
ушли? Прижимаясь спиной к стене, я резво ретировался в прихожую, где, бормоча под нос
что-то нецензурное, топтался Петрови-
ч. Он удивлённо взглянул на меня:

– Ты чего, Палыч? Только не говори, что там ещё и чей-то окровавленный труп!

– Пока нет, но могут быть. Два, – шёпотом пообещал я ему, – Может, Охотники ещё тут?
Петрови-
ч с сомнением вытянул шею, пытаясь заглянуть в комнаты:

– Да нет, вряд ли... Ждать тебя в открытой разгромленной квартире? Да какой же идиот
сюда сунется? – Он осёкся и виновато взглянул на меня.

Несмотря на печальные обстоятельства, я расхохотался:

– Этот идиот перед тобой! Вернее, целых два идиота. Но в одном ты прав: вряд ли они тут
затаились. Иначе бы лежали мы с тобой уже рядышком с аккуратненькими такими дырочками
в высоких лбах.

Петрови-
ч скептически хмыкнул и смело шагнул в комнату. Обошёл её, заглянул
в спальню, на кухню и в туалет. Зачем-то спустил воду. Когда стихли последние хлопающие
звуки, заорал:

– Да нет тут никого!

Я поставил стул на середину гостиной и сел. Внезапно навалилась усталость. Охотники
оказались слишком активны. Что дальше? Откуда ждать удара?

– Что-нибудь пропало? – Петрови-
ч вернулся и начал нервно нарезать круги по комнате.

– Документы и деньги на месте. Остальное пока не проверял, но думаю, что всё оставили.

Мой приятель остановился и озадаченно посмотрел на меня:

– А что искали? Печать?

– Видимо, её.

Петрович выругался, закурил и вновь заметался по комнате.

Мобильник заверещал неожиданно и громко. Я вздрогнул и поднёс трубку к уху:

– Пал Палыч, я нашла паспорт! Куда мне подъехать? – голос Кларочки был бодр и весел.

Я невольно улыбнулся: прелестное дитя било ножкой в нетерпеливом предвкушении приключений:

– Кларочка, ты дома? Я тебе перезвоню и мы сами за тобой подъедем. В течение часа.

– Мы? А кто ещё? – её голос заметно поскучнел.

– Увидишь. До связи, – и, не дожидаясь расспросов, отключился.

Петрович с пола вопросительно воззрился на меня:

– Что делать дальше будем, командор? Наверное, милицию стоит вызвать?

Я усмехнулся: второй раз за сегодня мне предлагают вызвать доблестных охранников правопорядка:

– А смысл? Кроме потери времени и привлечения ненужного интереса к моей персоне – никакого. Тем более что ничего ценного не пропало. А второй раз они сюда вряд ли заявятся. Нет, Петрович, милицию вызывать не будем. Паспорт и деньги я забрал, сейчас закроем квартиру, возьмём мою машину, заедем за Кларочкой – и в агентство, тур подбирать. Кстати, надо бы поторопиться, до конца рабочего дня всего ничего осталось.

– Ну, пошли, – Ванька, кряхтя, поднялся с пола.

Я уже минут пять пытался запереть упрямый замок, повреждённый отмычкой. Петрович сопел над ухом. Вдруг его осенило:

– Палыч, а ведь тебе сюда возвращаться нельзя!

– Это почему же? – поинтересовался я, продолжая скрести ключом в скважине.

– Они ведь могут ещё раз прийти. Только на этот раз не за печатью, а за тобой. Тебе до отъезда затаиться надо. Предлагаю пожить пока у меня.

Я задумался. Товарищ мой, разумеется, прав: домой мне дорога теперь заказана. По крайней мере, без сопровождения. А уж оставаться тут одному – и вовсе смерти подобно. С другой стороны, переселяться к Петровичу – тоже не самый лучший вариант. Подставлять его под удар мне совершенно не хотелось.

Я поделился с ним своими сомнениями. Ванька махнул рукой:

– Пашка, я же сам согласился участвовать в аванюре, ты мне руки не выкручивал. Так что можешь прекратить душевные терзания и перебираться ко мне. Думаю, пока мы вместе, они не сунутся. Будут стараться отловить нас поодиночке. Вернее, тебя... потому что моя персона им неинтересна. Так что, будешь спать на диванчике или на раскладушке?

– Ладно, уговорил. Займу, пожалуй, диванчик!

Замок противно щёлкнул и, наконец, закрылся.

Глава 10

21 июля, 00—15, отделение реанимации.

Я сидел в ординаторской и описывал вновь поступившего больного. Петрович задумчиво помешивал ложечкой кофе и откровенно пялился на Кларочку, уютно расположившуюся в древнем кожаном кресле, невесть как и когда оказавшемся в нашем отделении. Военный совет только что завершился.

Остаток вчерашнего (вернее, уже позавчерашнего) дня прошёл весьма плодотворно. Покинув руины моей квартиры, мы заехали за Кларочкой и втроём отправились в турагентство.

Надо заметить, что появление вместе со мной Петровича отчего-то заметно огорчило нашу амазонку. Настолько, что она даже не смогла этого скрыть и в первые минуты после встречи откровенно дулась, бросая крайне недовольные взгляды в сторону Ваньки.

Тот, впрочем, не особенно расстроившись по этому поводу, генерировал идею за идеей о том, как завладеть вожаденным жезлом. Один из прожектов меня искренне порадовал. Мой добрый товарищ предложил отловить, не торопясь, всех Охотников, используя нехитрый приём ловли «на живца». Живцом, разумеется, должен быть я. Петрович взахлёб живописал, как легко и весело достигнем мы Лабиринта, предварительно пленив и устранив всех вражеских пособников, когда ожила Кларочка:

– И куда их девать?

– Кого? – изумлённо поинтересовался Петрович, прервав полёт фантазии.

– Охотников? Которых вы наловите?

– Ну-у... это чисто технический вопрос, – протянул охотник на Охотников. – Можно, к примеру, складывать где-нибудь в подвале... до нашего возвращения. И вообще, Клара Артуровна, я вырабатываю стратегию. Тактические вопросы для меня слишком незначительны. – великий стратег гордо сложил руки на груди и задрал вверх подбородок.

За разговорами такого рода мы добрались до агентства. Милейшая девица, непрерывно улыбаясь так, что возникали невольные сомнения в её психическом здоровье, предложила на выбор несколько отелей близ той самой Агии Пелагии.

После бурного и продолжительного обсуждения, мы остановили выбор на гостинице с загадочным названием «Капсис». Несколько её корпусов занимали целый мыс, далеко вдающийся в море. И находился «Капсис» в двух шагах от центра деревеньки, в которой находилось родовое гнездо покойного Димаса.

Девица-турагент ухитрялась говорить, не шевеля оскаленными в широкой улыбке челюстями. Она одобрила наш выбор и принялась заполнять необходимые бумаги. Отбывать на Крит нам предстояло через три недели из Шереметьево-2. А до столицы следовало добираться своим ходом.

Мы выбрали самолёт. Распрощавшись с улыбчивым монстром, наша троица отправилась за билетами. Перед самым закрытием касс мы стали обладателями билетов на рейс 237 «Нероград – Москва». Правда, возникла небольшая проблема: из-за летнего наплыва желающих полетать, билетов на нужную дату не оказалось. В итоге образовался запас времени аж в четыре дня, которые нам придётся провести в белокаменной.

И вот теперь наша авантюрная компания сидела в ординаторской. Сил на обсуждение деталей предстоящей операции уже не осталось. Да, собственно, обсуждать-то уже и нечего. Билеты и путёвки куплены, Витаминыч отпуск нам подписал (почти не удивившись), план действий ясен: прилететь, обосноваться, найти подвал в доме Антонида, достать амфору с картой, отыскать жезл и спасти мир. Всё просто.

Я дописал дневник наблюдения и, с хрустом потянувшись, встал и отдернул шторы. Кроме собственного отражения ничего не увидел: окна выходили на небольшой лесок и полужночная темнота снаружи не нарушалась ни единым проблеском света.

– Пал Палыч, я, пожалуй, пойду в палату, – Кларочка с видимой неохотой выбралась из своего кресла, – Туркину пора цефазолин колоть.

– Давай. Если я засну, разбуди меня через два часа, хорошо?

– С удовольствием. Иван Петрович, вас тоже? – с ехидной надеждой поинтересовалась медсестра.

Петрович оторвался от кофе и недобро уставился на Кларочку:

– Дитя моё, ты совсем не думаешь о своём будущем!

– А при чём тут моё будущее? – подняла бровки она.

– А при том, что если ты меня разбудишь, то будущего у тебя не будет! – хмуро пообещал коллега.

Кларочка хмыкнула и выпорхнула из комнаты.

Я уселся на подоконник, слегка прислонившись спиной к прохладному стеклу. Июльская жара снаружи выпускала город из своих липких объятий лишь ночью, ненадолго сменяясь относительной прохладой. Но и её было недостаточно для того, чтобы ощущать себя комфортно, поэтому у нас всю работу выполнял кондиционер. Его монотонное гудение убаюкивало.

Я мечтательно посмотрел на ждущую меня кушетку, улыбнулся в предвкушении ни с чем не сравнимого восторга перехода усталого тела в горизонтальное положение и... задремал. Прямо тут же, на подоконнике.

Проснулся оттого, что замёрз. Мышцы спины просто свело от холода. С изумлением я обнаружил, что стучу зубами и трясусь. Попробовал оторваться от ледяного стекла, но не смог: халат словно прилип. Рванувшись сильнее, я услышал треск разрываемой ткани и, освободившись, рухнул на пол. Чертыхнулся, потирая ушибленный локоть, и встал, озадаченно разглядывая окно.

Кусок белой ткани, вырванный из моего халата, действительно прилип к стеклу. Вернее даже, не прилип, а...

Я присмотрелся и не поверил глазам: ткань примёрзла. Стекло вокруг было покрыто тонким слоем льда. Почему-то вспомнились заиндевевшие стёкла зимних троллейбусов времён моей студенческой юности, на которых неизвестные остряки тёплыми пальцами вытаивали одну и ту же оптимистичную надпись: «Крепитесь, люди, скоро лето!» Вот только теперь, в отличие от тех чудных времён, я тупо смотрел на окно, покрытое льдом в середине июля. Что-то в этом было неправильное...

Было и ещё одно отличие от тех, покрытых матовым инеем троллейбусных окон: здесь лёд сохранял полную прозрачность. В тёмном окне по-прежнему в подробностях отражался скудный интерьер ординаторской и её население: дремлющий за столом Петрович и взъерошенный, недоумевающий я. А рама этого импровизированного зеркала была покрыта толстым слоем пушистого инея.

Я ущипнул себя за ногу: больно! Сон кончился, начался бред...

За спиной завопил Петрович. Я решил привлечь свидетеля:

– Ванька, вставай!

Он встрепенулся, вскочил, и ошалело уставился на меня:

– Кто?

– Да живы все... пока. Ты на окно посмотри!

Петрович перевёл взгляд на обледеневшее стекло:

– Ё! Это что?!

– Ты тоже ЭТО видишь?

- А то! Кондиционер свихнулся? – выдвинул версию коллега.
- Да нет, похоже, снаружи похолодало: видишь, только окно обледенело.
- Фигня! – безапелляционно заявил Петрович, – Лето на дворе!
- Есть другие предположения?

Пряатель подошёл к окну и потыкал пальцем в стекло. Тут же отдёнул руку и сунул палец в рот:

– Холодный! Аж обжигает!

– Ну, и что это за явление? – поинтересовался я, впрочем, слабо надеясь на то, что Петрович даст ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.